

Светлана Лыжина ПРИНЦЕССА ИЛЯНА

Влад Дракулович

Светлана Лыжина
Принцесса Иляна

«Автор»

2023

Лыжина С. С.

Принцесса Иляна / С. С. Лыжина — «Автор», 2023 — (Влад Дракулович)

1475 год. Молодая аристократка по имени Илона Силады, овдовевшая несколько лет назад, получает от своего двоюродного брата, венгерского короля Матьяша I, необычное предложение. Её просят выйти замуж за Ладислава Дракулу из Валахии, «того самого Дракулу», чтобы Матьяш смог заключить с этим человеком политический и военный союз против турок. Дурная слава Дракулы по-прежнему при нём и количество ужасных историй «об изверге и тиране» продолжают расти, но Илона всё же соглашается, желая помочь христианам победить общего врага. Несмотря на обещания родственников в случае чего не дать её в обиду, она готовится принести себя в жертву, но брак оказывается совсем не таким, как ожидалось. Эта книга — продолжение романа «Валашский дракон». Является заключительной в цикле из четырёх художественных книг об историческом Дракуле.

© Лыжина С. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Об авторе	5
Принцесса Иляна	7
Пролог	8
Часть I. Семья Силады	10
Часть II. Кузен Матьяш	35
Часть III. Тот самый Дракула	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Светлана Лыжина

Принцесса Иляна

Об авторе

Современная российская писательница Светлана Лыжина в своём творчестве специализируется на средневековой истории Юго-Восточной Европы, а особое внимание уделяет Румынии и Молдавии. Интерес российского автора к этим двум странам не случаен, поскольку в XV веке они причислялись не к «западной цивилизации», а к периферии славянского мира и наряду с Русью получили у «просвещённых европейцев» наименование «восточных» государств.

По мнению Светланы Лыжиной, средневековая история этого региона удивительно похожа на аналогичный период в русской истории, что даёт простор для проведения скрытых параллелей и переосмысления вопроса о взаимоотношениях Востока и Запада.

Изучение истории и культуры Румынии и Молдавии писательница начала в институтской библиотеке МГИМО, будучи студенткой журналистского факультета и таким образом получив доступ к фонду, где представлены не только современные издания, но и редкие книги XIX века. Свои исследования она продолжила в московской Исторической библиотеке, а позднее совершила несколько путешествий по историческим местам, находящимся на территории современных Румынии и Венгрии.

Одновременно было изучено множество исторических документов на старославянском, латыни и раннеитальянском языках. Изучение этих источников в оригинале позволило автору непредвзято взглянуть на их содержание, и этот взгляд не во всём совпал с распространёнными трактовками и пересказами, которые встречаются в исторической литературе.

Накопленный материал настоятельно требовал воплощения в тексте, причём в художественном, поэтому Светлана Лыжина, поступила на заочное отделение Литературного института им. Горького, ведь уже имеющееся журналистское образование, полученное в МГИМО, казалось достаточным только для написания небольших произведений, но не для объёмного исторического повествования.

Первым удачным литературным опытом Светланы Лыжиной стал роман «Время дракона», законченный в 2013 году и повествующий об одном из самых известных исторических и фольклорных персонажей Восточной Европы. Этим персонажем является румынский (валахский) государь Влад III Дракул, больше известный как «воевода Дракула» или Влад Цепеш.

Ему же посвящён другой роман Светланы Лыжиной – «Дракула и два ворона». Книга была опубликована в 2015 году под заглавием «Валахский дракон» и стала официальным литературным дебютом автора.

К настоящему времени завершена работа над четырьмя романами о Дракуле, освещающими разные периоды его жизни. «Время дракона» рассказывает о ранних годах главного героя и его взаимоотношениях с отцом, а также видными историческими деятелями той эпохи. Роман «Дракулов пир» повествует о борьбе Дракулы за отцовский трон, в результате которой он и заслужил свою особенную славу. «Дракула и два ворона» рассказывает о героическом противостоянии с турками, а «Принцесса Иляна» – попытка реконструировать последние годы жизни Дракулы и понять причину его гибели.

Книги Светланы Лыжиной получили высокую оценку ряда читателей, но в то же время подвергаются критике за непривычный, очеловеченный образ Дракулы, поскольку этот персонаж гораздо чаще предстаёт на страницах романов как вампир, а не как реальное историческое лицо.

Избранная библиография Светланы Лыжиной:

Время дракона, 2018 (авторское название: «Влад Дракулович»)

Драконий пир, 2019 (авторское название: «Дракулов пир»)

Валашский дракон 2015, 2019 (авторское название: «Дракула и два ворона»)

Принцесса Иляна, 2019

Принцесса Иляна

Король же не только дал ему власть... но и сестру свою родную отдал ему в жёны, и от неё родилось два сына.

Из «Сказания о Дракуле-воеводе»

Пролог

Много времени провёл в заточении Влад, но каждую весну вид из зарешёченного окна башни оставался тот же. По берегам Дуная высились лесистые горы в нежно-зелёной дымке молодой листвы, неспешно текла сама река, и в водах всё так же отражалось ярко-голубое небо с белыми облаками.

Облака двигались, неохотно повинувшись воле ветра, и исчезали из виду, а узник, запертый в старой крепости венгерского города Вышеграда, оставался сидеть на месте. Если сложить все весенние дни за все годы заключения, то получилась бы, наверное, целая тысяча. А если сложить все дни всех лет?

Влад не хотел спрашивать своих тюремщиков, сколько провёл взаперти – сколько бы ни было, все эти годы оказались потеряны безвозвратно. А если так, то зачем знать? Наверное, поэтому он не взялся в своё время царапать палочки на стене, портить штукатурку, местами ещё хранившую остатки причудливой настенной росписи.

Комната, в которой сидел узник, в прежние времена выглядела роскошно, но Влад не застал тех времён. Когда он оказался здесь, это помещение, расположенное на самом верху бастиона, именуемого Соломоновой башней, уже потеряло наибольшую часть великолепия.

Когда-то здесь находились личные покои одного из венгерских королей, которого звали Жигмонд, но это было давно. С тех пор стены потемнели от пыли, а кое-где, под высокими стрельчатыми сводами появилась паутина. Камин закоптился и больше напоминал очаг в трактире, а дорогую мебель давно вынесли и заменили более дешёвой.

Наверное, прежнюю обстановку мог застать отец Влада, потому что когда-то служил Жигмонду и даже оказался принят в рыцарский Орден Дракона, учреждённый этим королём, то есть вошёл в круг самых приближённых особ.

«Мой отец служил Жигмонду и, возможно, заходил сюда. Он ступал по половицам этой комнаты, склонив голову, а теперь я живу здесь уже много лет и никому не кланяюсь. Великая мне честь», – с усмешкой думал узник.

Казалось даже странным, что нынешний венгерский король Матьяш почтил Влада, заточив в такую тюрьму, хотя от роскоши остались лишь воспоминания.

«Так и от моих прошлых дел остались одни воспоминания, – думал Влад. – Шесть лет я княжил в Румынии, и Румыния сделалась богатой и сильной. Но где теперь моё войско, которое било турок по обе стороны Дуная? Рассеялось, как солома по ветру. Где государство, уважаемое соседями? Исчезло, а вместо него несчастная страна, которую каждый рад ограбить».

О прежних временах оставалось только вздыхать. «А вот при Дракуле-то как было!» – наверное, говорили румыны. Всё ещё говорили и, может, даже надеялись, что государь Влад Дракул вернётся и вернёт Румынии былую силу, внушавшую не только уважение, но и трепет.

Да, прозвище Влада всё ещё внушало страх. Люди сочиняли разный вздор, где толика правды обильно заливалась вымыслом, и это сомнительное блюдо становилось пищей для умов.

Россказни начались ещё тогда, когда Влад крепко сидел на троне. Помнится, было смешно слушать те небылицы. Но вот она, цена веселья! Ведь из-за этих рассказов Влад и попал в заточение. Венгерский король Матьяш поверил в наговоры, или сделал вид, что поверил.

Влад до сих пор удивлялся, что был обвинён в стольких злодеяниях. Дескать, бояр казнил сотнями, простых жителей своей страны – тысячами, жителей соседних стран – десятками тысяч, и даже на жизнь самого короля Матьяша якобы покушался, то есть замыслил предательство.

Предательство Влад не совершал, а за то, в чём всё-таки оказался виноват, разве не расплатился уже сполна? Считай, заплатил жизнью, потому что до могилы оставалось не слишком далеко. Когда попал в башню, был молод, сила внутри кипела, а теперь подкрадывалась старость. Уже чувствовалось её дыхание – холодное, как дыхание зимы. Вон уж в волосах появился иней, и силы уже не кипели – старость остудила.

«Господь, – мысленно твердил Влад Дракул, сидя в башне старой венгерской крепости, – об одном Тебя прошу. Не дай мне умереть здесь. Позволь умереть на родине, и умереть государем. Ни о чём больше не прошу, но эту просьбу исполни!»

Часть I. Семья Силады

I

Май месяц в Венгрии – чудесное время для путешествия. Солнце светит. Небо ясное. Трава зеленеет. Деревья цветут. Птицы поют, и даже путники что-то напевают себе под нос, чтобы веселее стало идти.

Примеру весёлых путников следовал и престарелый возница, который правил парой рослых рыжих коней, тащивших большую колымагу. Справа и слева, на резных дверцах экипажа, был нарисован белый геральдический щит с изображением бурой горной козы, которая норомыла выпрыгнуть из золотой короны внизу щита, но осуществила это лишь наполовину – из короны высывалась рогатая голова, передние ноги и часть туловища.

Даже не зная, кому принадлежит герб, можно было не сомневаться, что в колымаге едет кто-то очень важный. Об этом говорили занавески из красной парчи, два десятка конных слуг, окружавших экипаж, и искусно окованные сундуки, пристроенные на запятках.

Громыхая колёсами на ухабах, колымага неспешно ехала по широкой укатанной дороге среди зеленеющих полей и редких холмов, поросших кудрявым лесом. Стук колёс не мог заглушить пения возницы, поэтому две женщины, сидевшие в колымаге друг напротив друга среди узлов и дорожных корзин, невольно прислушивались.

Одна из женщин, молодая и хрупкая, принадлежала к знатному роду, о чём ясно говорило дорогое, хоть и неброское, одеяние. Тёмно-синее, почти чёрное бархатное платье смотрелось богато. Белая ткань, по тогдашнему обычаю обёрнутая вокруг головы и скрывавшая волосы, тоже была дорогой – самый лучший шёлк.

Вторая женщина в отличие от первой выглядела намного старше, имела грузную фигуру и одевалась гораздо проще. Платье на ней было из шерстяной материи коричневого цвета, то есть совсем не притязательной, а волосы скрывал тонкий белый лён.

– Госпожа Илона, как же хорошо, что мы в столицу едем, – произнесла грузная женщина, нарушая молчание. – Никак не могу дождаться, когда же мы большой город увидим. Ох, как надоела глушь наша!

– Йерне, – строго отвечала Илона, – придержи язык. То, что ты называешь глушью, это поместья моих родителей.

– А я ничего плохого не хотела сказать, – спохватилась Йерне и начала оправдываться: – В глуши тоже хорошо – покой, тишина, но ведь и шума иногда хочется. И на людей новых посмотреть. А в деревне одни только старые знакомые. Это, конечно, хорошо, но ведь от старых знакомых редко что новое узнаешь. То ли дело новые люди. Новый человек – сам по себе новость, даже если с ним не говорить. К примеру, приедем в столицу – узнаем, кто теперь что носит. Я вот гляжу на наши платья и думаю, что о нас в столице скажут. Может, там и вырезы, и рукава теперь другие.

Платье Илоны имело квадратный вырез на груди, довольно высокий, но даже та часть груди, которая могла бы остаться открытой, скрывалась под нижней рубашкой.

Йерне носила почти такой же крой платья, однако грудь не прятала, и пусть всё оставалось в пределах приличий, ведь служанке положена скромность, но одежда госпожи в этом смысле казалась ещё скромнее.

Рукава платьев у обеих женщин были короткие – в половину плеча, дополненные длинными рукавами нижних рубашек, но Йерне уже мысленно примеряла, как же эти короткие рукава надставить, если что:

– Ох, госпожа. Думаю, все сразу поймут, что мы из деревни. Как на нас посмотрят?

– Жить в деревне не стыдно, – ответила ей Илона и добавила: – Йерне, вот сколько я тебя знаю, ты всё такая же – беспокоишься о пустяках. Не всё ли тебе равно, как на тебя посмотрят? Или ты в столице замуж собираешься?

– Я-то – нет, – ответила служанка. – А вот вам замуж не мешало бы.

– Не говори мне об этом.

– Госпожа, так не я же первая завела разговор. – Служанка хитро сощурилась.

– Зато ты его продолжаешь, – хмуро заметила Илона.

– А как же я могу не говорить о том, о чём изволит говорить госпожа? – не унималась Йерне.

Илона устало взглянула на неё:

– Не хочется мне замуж. Я тебе много раз говорила. И не только тебе. Всем говорила.

– А может, это сама судьба вам указывает? – настаивала служанка. – Где, если не в столице, можно найти хорошего жениха!

– Не хочу никого искать, – твёрдо сказала Илона.

– Господин Вацлав очень хороший был человек. Повезло вам замуж за него выйти, но ведь уже пять лет как нет его, а вы молодая такая.

– Оставь. Не напоминай, – вздохнула молодая вдова.

– Хорошо, не буду, – согласилась Йерне. – А всё-таки развеяться вам надо, госпожа. Это ж сколько времени мы в столице не оказывались! Я уж не помню, когда последний раз. Кажется, пять лет назад, в тот год, когда из Липто приехали...

– Йерне, да ты нарочно, что ли?! – воскликнула Илона, а затем вдруг закрыла лицо руками.

– Ах, госпожа, да я совсем не... – снова принялась оправдываться служанка, но не нашла слов: – Простите меня. Я вовсе не хотела вам напоминать. Само выскочило. Но ведь у вас с Липто не только печаль связана, но и счастье. Ведь столько лет вы с господином Вацлавом в Липто жили! И хорошо жили. Очень хорошо. Что ж делать, если он там и умер. А в Липто вам оставаться было нельзя. Сами знаете. Да я разве виновата, что из Липто, когда ваш муж умер, вы в столицу поехали? Что ж теперь про столицу совсем не вспоминать? Ведь пять лет прошло! Ну, да, приехали вы в тот год в столицу уже как вдова, но ведь вас в столице хорошо приняли, все сочувствовали...

– Замолчи. Просто замолчи, – произнесла Илона, не отнимая рук от лица, а в её голосе явно слышались слёзы.

– Не плачьте, госпожа. – Йерне поспешно пересела на сиденье рядом с ней, тронула за локоть, а затем обняла за плечи. – Сколько можно горевать. Пора бы успокоиться. Рано себя хоронить. Рано. Надо было вам в тот год по приезде из Липто остаться в столице, а вы в глушь поехали. Вот, что хотите, со мной делайте, а я буду повторять, что имения ваших родителей – глушь. Тишина и покой – это, конечно, хорошо, но зачем же там целых пять лет жить? Вот приедем в столицу – развеетесь. Не иначе как для этого вас тётушка к себе пригласила.

– Не хочу никуда ехать. Не хочу. – Илона отняла руки от лица, и стало видно, что её глаза уже покраснели от слёз. – Мне хорошо жилось в деревне с мамой. Тихо, никто не тревожит. Ну и пускай, что глушь! А в столице суета эта вечная, и всё напоминает... – Она не договорила. – Я же обязательно буду вспоминать... Там всё с ним связано... Впервые я его увидела как раз в столице, и венчались мы тоже там, и именно оттуда в Липто уехали, а затем я в столицу вернулась уже без... без... – Илона снова закрыла лицо руками и заплакала.

– Госпожа. – Йерне снова попыталась её утешить, но молодая вдова резко повела плечами, стряхивая с себя руки утешительницы:

– Оставь меня. Ничего больше не говори. Я успокоюсь сама.

Служанка покорно пересела на своё место, понимая, что дала маху, но в то же время вздыхая о том, как же легко довести госпожу до слёз. Одна или две неосторожные фразы, и вот.

* * *

Ехать в столицу Илона очень не хотела. Служанка была совершенно права, когда говорила, что там наверняка обнаружится, что крой рукавов изменился. А может, талия теперь ещё выше, как на платьях у женщин Древнего Рима? А может, в моду вошёл некий новый цвет ткани, или на поясе теперь надо носить кошелёк с особенной отделкой? Ах, мало ли мелких выдумок, которые надо принимать во внимание, чтобы в столице на тебя не смотрели, как на деревенщину! И ведь придётся думать обо всём этом.

Возможно, если бы Илона принадлежала к не очень знатному роду, то и не пришлось бы. Женщины победнее следили за модой не так чутко, но для женщин и девиц из высшего сословия выглядеть согласно правилам, которые менялись по несколько раз в год, стало почти законом.

Девицы следовали моде, поскольку верили, что это поможет им выйти замуж. Женщины следовали, желая доказать, что всё ещё молоды, или чтобы выйти замуж повторно. А Илона не разделяла стремлений к браку и потому не видела смысла прилагать усилия. Но как скажешь о таком? Ведь никто не понимал, почему она снова не хочет замуж.

Впрочем, Илона и сама себя не понимала. Можно было уйти в монастырь и тем самым избавиться от докучливых разговоров о новом супружестве, но становиться Христовой невестой не хотелось. Молодая вдова полагала, что не сможет искренне произнести обеты. Как же стать Христовой невестой, если она по-прежнему считала себя женой Вацлава, несмотря на то что брачная клятва оставалась в силе лишь до тех пор, «пока не разлучит смерть». Вдова, конечно, ездила по святым обителям, но лишь затем, чтобы помолиться, сделать пожертвование, но затем с чувством выполненного долга вернуться к прежней жизни – жизни в ожидании.

Вашек – так Илона называла мужа – конечно же, смотрел на неё с небес и ждал, когда она присоединится к нему. Не проходило ни дня, чтобы Илона не вспоминала о муже. Она даже пыталась мысленно говорить с ним, но тот не отвечал, и тогда ей начинало казаться, что встречи на небесах не случится.

Это было очень странное чувство – приближаться к мужу и в то же время отдаляться. Илона убеждала себя, что каждый прожитый день приближает её к переходу в иной мир, но вместе с тем каждый прожитый день притуплял чувство потери и заставлял чуть поблекнуть воспоминания о прошлом.

«Вот прошло пять лет, – думала молодая вдова. – А что я стану чувствовать через десять лет, через двадцать или тридцать?» Она не хотела, чтобы чувства менялись, не хотела утешиться и забыть. Вот почему ей так не нравилось менять в своей жизни что-либо, ведь любые внешние перемены могли привести к переменам внутри. А особенно грустно было пять лет назад покидать Липто, где Илона прожила почти половину жизни, причём прожила счастливо.

Ах, Липто! Особый маленький мир на севере Венгерского королевства, в Словакии, такой уютный и красивый! Огромная долина, окружённая труднопроходимыми горами, подобными тёмно-зелёной зубчатой стене! Если забраться на высокое место, то за этой стеной получалось увидеть ещё более высокие вершины, покрытые снегами. Казалось, что там, среди снегов, находится край земли.

В венгерской столице называли бы эти земли захолустьем, но ведь не все обязаны жить в центре мира. Кому-то может нравиться окраина. Кому-то может нравиться мысль, что рядом с ними находится великий океан, который переходит в океан звёзд.

Конечно, Илона знала, что к северу от Венгрии мир не кончается и что, согласно воззрениям многих учёных, Земля по форме напоминает шар, а не диск, но рассказы о плоском мире, так похожие на волшебную сказку, привлекали гораздо больше. Илона так и заметила однажды Вашеку, когда они во время охоты вместе выехали на вершину холма:

– Здесь как будто край земли.

– Да, похоже, – улынулся муж, а затем они ещё несколько минут молча смотрели на дальние горы и на широкую полноводную реку, протекавшую вдоль долины.

Вдоль речных берегов стояли деревни, окружённые полями и пастбищами, и также на берегу, но в самом сердце долины, стоял городок, который все называли по имени главной городской церкви – Сентмиклош, то есть «святой Николай». В этой церкви Илона часто бывала вместе с Вацлавом, со своим любимым Вашеком. В этой церкви теперь находилась его могила с красивым надгробием из красного мрамора, изображавшим геральдический щит.

Если б Илона могла, то осталась бы жить в Липто, но она не могла. В качестве кого она бы там осталась? Ей следовало бы остаться лишь в одном случае – если б она стала матерью сына, который со временем унаследует имения в Липто. Но сына не было.

Ах, если бы у неё с мужем родились дети – пусть даже один ребёнок, пусть даже девочка! Но, увы, за двенадцать лет брака Илоне ни разу не случилось даже забеременеть. Она очень печалилась по этому поводу, и так же печалились родители мужа, а молодая вдова, находясь возле, каждую минуту одним своим видом напоминала, что внуков у них нет.

Наверное, поэтому Илона даже не спросила, можно ли ей остаться, а уехала сначала в венгерскую столицу, а затем – в другую глушь, в имения своих родителей, ведь пребывание в столице тяготило, а новая глушь могла чем-то напомнить прежнюю, то есть Липто.

Родительские имения находились в западной части Венгерского королевства. Эту область под названием Эрдели¹ по большей части покрывали горы, но, увы, именно там, где располагались имения, не было гор, а только лесистые холмы. Полноводная река там тоже не протекала, а лишь мелкие речушки, но на берегах также виднелись деревеньки с такими же домами, сложенными из толстого бруса, и, если не привередничать, этих деревенок вполне хватало, чтобы представить себя в Липто.

Имения простирались так широко, что назывались словом «страна» – Страна Силадьи – и в этой стране Илона, после смерти мужа снова ставшая частью семьи Силадьи, провела более пяти лет, помогая матери заниматься хозяйством.

Впрочем, помогать не очень получалось. Мать, урождённая Агота Сери-Поша – женщина не очень знатная², но зато предприимчивая и оборотистая – полагала, что в хозяйственных делах от дочери мало толку. Уж очень Илона была уступчивая, то есть соглашалась почти со всем, что ей говорили. Искоренить такую уступчивость казалось невозможно, поэтому матушка только ворчала:

– Слуги вертят тобой и крутят, как хотят.

Дочь только опускала глаза, не осмеливаясь напоминать, что семнадцать лет назад мать говорила иначе. Семнадцать лет назад уступчивость казалась добродетелью, ведь именно тогда родители окончательно выбрали Илоне жениха, Вацлава, и дочь покорно приняла их выбор, а ведь были подозрения, что она заупрямится, потому что юной невесте нравился другой.

В итоге подозрения так и остались подозрениями. Илона сделалась для Вацлава очень хорошей женой. Её ни в чём нельзя было упрекнуть – разве что в отсутствии детей – но бездетность не стала бы препятствием для нового выгодного брака, если б Илона позволила родителям устроить его.

Так уж повелось, что повторное замужество не являлось обязательным. Невеста могла сама решить, соглашаться или нет, ведь если первый брак считался исполнением долга перед родителями и остальными родственниками, то при повторном браке невеста имела право подумывать о себе, то есть обретала некоторую свободу.

¹ Эрдели – так венгры называли и называют Трансильванию.

² Об этом говорит её фамилия, которая расшифровывается как Поша из Сера. Сер (Szer) – небольшое селение на западе Трансильвании, известное с XIV века.

– Эх, Илона, – часто повторяла мать, когда они сидели вдвоём за вышиванием в одной из верхних комнат семейного замка. – Когда не нужно, ты уступчивая, а когда нужно уступить – упрямая. Сколько раз я тебе говорила, что ты должна снова выйти замуж, а ты всё «нет» и «нет».

– Я не хочу снова замуж, – тихо отвечала дочь.

И вот в один из таких дней в замок доставили письмо от отца, который жил не в имениях, а в столице. В письме сообщалось, что отцова сестра, Эржебет, тоже проживавшая в столице, приглашает Илону приехать погостить.

Честно говоря, молодая затворница, узнав эти новости, весьма удивилась. Ей всегда казалось, что отцова сестра, Эржебет Силадьи, недолюбливает своего брата и остальную родню, а по-настоящему привязана только к сыну – Матьяшу. И вдруг приглашение! Зачем? И всё же его следовало принять – так полагали родители Илоны:

– Твой отец пишет, что для нас это радостное известие, – сказала мать, положив только что прочтённое письмо в шкатулку с вышивальными принадлежностями, стоявшую рядом на столике. – Пора положить конец непонятному разладу с твоей тётёй. Пора нашей семье объединиться. Эржебет не первый год оказывает твоему отцу внешнее уважение, но как будто считает тайным врагом. Это длится слишком долго. А ведь твой отец никогда не давал повода для вражды. Наоборот – он исполнял всё, чего требует долг перед семьёй, да и мы тоже исполняли. Наверное, твоя тётя всё же вспомнила об этом. Вспомнила и поэтому решила сделать что-нибудь хорошее для тебя.

– Матушка, мне надо ехать? – спросила дочь.

– Разумеется, надо, – последовал ответ. – Ты просто обязана поехать. Если твоя тётя сделала первый шаг к примирению, мы не можем не сделать ответного шага. И чем скорее мы его сделаем, тем лучше.

На скорейшем приезде настаивала и Эржебет. Она просила, чтобы племянница постаралась прибыть в столицу к празднованию Пятидесятницы, поэтому Илона сразу после Вознесения Господня отправилась в путь.

* * *

Знатная путешественница запоздало вспомнила, что давно не видела не только тётю, но и свою старшую сестру – Маргит. Вот уж кто по праву назывался столичной жительницей! Маргит в отличие от своей младшей сестры полагала, что нет ничего хуже, чем тихая деревенская жизнь, и весьма радовалась, что живёт с мужем в столице, а не в глухомани.

«Если что, Маргит поможет мне с нарядами, – подумала Илона. – И пока мы будем ходить по лавкам, у нас, по крайней мере, появится предмет для разговора».

О чём ещё говорить со старшей сестрой, младшая просто не знала. Придворные сплетни не вызывали интереса, а лишь утомляли. Слушать о том, как Маргит живёт со своим мужем, казалось слишком грустно, потому что Илона начала бы вспоминать о своём муже, умершем пять лет назад. А если в разговоре не касаться ни чужой жизни, ни своей, то о чём ещё говорить?

Вот если б у Маргит появились дети, Илона с удовольствием слушала бы все новости про них! Будь у Илоны хоть один племянник или племянница, тогда сразу появился бы повод приезжать в столицу, и не потребовалось бы никакого тёткиного приглашения, чтобы выманить затворницу из глуши, но, увы, старшая сестра оказалась так же бездетна, как младшая.

«На всё воля Божья, – мысленно повторяла себе Илона и очень старалась не роптать, а лишь спрашивала: – Господь, чем я согрешила? За что мне от Тебя наказание?»

Как же грустно было смотреть на женщин, окружённых детьми! Все эти дети, даже самые непослушные и капризные, казались Илоне сокровищем. «Почему у меня нет таких?» – спрашивала она себя и даже в церкви, глядя на искусно раскрашенную деревянную статую, изоб-

ражавшую Деву Марию с маленьким Иисусом на руках, не могла не задумываться о том, что чувствует женщина, держа на руках собственного ребёнка.

Деревянный младенец в полумраке храма казался похожим на настоящего. Такой розовый и румяный, с задумчивым выражением на щекастом личике! Как же чудесно выглядели эти маленькие пальчики на руках и ногах! Как мило смотрелся круглый животик!

Конечно, это был не настоящий ребёнок, но маленьких детей неспроста называли куколками. «И я хочу себе куколку, – думала Илона, глядя на младенца Девы Марии. – Мать Божья, ты, как никто, понимаешь меня. Почему же ты не упросила Господа, чтобы Он послал мне дар?»

Даже после того, как Вацлав умер, эти мысли не ушли. Молодая вдова не переставала мечтать о детях. Новый муж ей был не нужен, но дети... как грустно казалось жить без них! «Пусть даже будут приёмные, – думала она, – но лучше – свои. Почему у меня их нет?»

Разумеется, Илона понимала, что дети не появятся сами по себе, то есть новое замужество и появление детей взаимосвязаны, но замуж не хотелось. Да, детей хотелось, но замуж – нет, а поскольку внебрачная связь была для Илоны просто немыслима, упорное избегание повторного брака казалось глупостью.

«Хочешь детей – выходи замуж», – говорил разум, однако Илона не могла себя заставить, помня о Вацлаве. Ей хотелось всего, но в то же время ничего не хотелось, и это странное состояние, когда ни на что не хочешь решиться, сохранялось уже пять лет.

II

Илона никогда не испытывала чувства родства по отношению к своей тёте. Умом племянница понимала, что родство есть, но лишь умом. Возможно, чувство не приходило оттого, что Эржебет Силадьи казалась слишком могущественной и недосягаемой. Неудивительно! Ведь её сын Матьяш носил венгерскую корону, то есть Эржебет называлась матерью правящего монарха, причём неженатого, поэтому безраздельно повелевала всей женской половиной королевского двора.

Гордая и властная тётя Эржебет. Наверное, она и родилась такой, но Илона не могла об этом судить, потому что впервые встретилась с ней, когда тётя была уже пожилой женщиной.

Племяннице тогда минуло лишь двенадцать с половиной лет. Илону впервые привезли в столицу, а тётя уже властвовала там, считаясь первой дамой королевства. Не королева, но почти.

Даже издали было заметно, что тётя держится очень прямо. Её фигура, облачённая в тёмные одежды, расшитые золотом, выглядела подобно мужской: ни покатых плеч, ни особенно выраженной талии.

В лице не ощущалось никакой мягкости, которая полагалась бы женщине: острый взгляд, плотно сжатые губы. На щеках виднелись неглубокие морщины, но тётя не стремилась ничего припудрить. Наверное, поэтому её лицо тоже походило на мужское, ведь именно мужчины обычно не стыдятся своих лет и не пытаются обмануть время.

Эржебет не скрывала своего возраста, ведь годы позволяли ей считаться мудрой и опытной, давали право говорить, то есть давали власть, а тётя стремилась к власти. Вот почему белая ткань, по обычаю обёрнутая вокруг головы и скрывавшая волосы, уложенные в причёску, прилегала не очень плотно и невзначай показывала, что в золотисто-каштановых, как у всех Силадьи, прядях появились серебряные нити.

Помнится, двенадцатилетняя Илона, глядя на это серебро, задумалась, сколько пройдёт времени прежде, чем её собственные каштановые волосы поседеют так же, но эта мысль даже не успела толком оформиться, потому что суховатые тётнины пальцы ухватили малолетнюю племянницу за подбородок. Так Эржебет Силадьи заставила её приподнять голову, опущенную в поклоне.

– Девочка моя, не бойся. Дай мне на тебя посмотреть. Ты очень хорошенькая, – раздался тётин голос, в котором за нарочитой ласковостью чувствовались холод и жёсткость. Наверное, тётя в эти мгновения думала о том, как её племянница поможет возвыситься Матьяшу – думала о борьбе за трон для него, а в борьбе нет места мягкости и теплоте.

Матьяша, тётиного сына, в те дни ещё не избрали королём, но всё уже решилось. Дядя Илоны, Михай Силадьи, устроил это – вступил в союз с несколькими богатейшими и влиятельнейшими семьями королевства. Они договорились, кому из претендентов на корону отдаст голоса Государственное собрание, а с одной из семей ради укрепления союза Михай обещал породниться, для чего и понадобилась племянница.

У Михая не было детей, но у его младшего брата, Ошвата, родилось две дочери. Старшая, Маргит, к тому времени уже вышла замуж, но оставалась младшая, Илона, которая и сделалась залогом прочности политического союза – союза с семьёй Вацлава.

Для семьи Силадьи это оказалось чрезвычайно выгодно. Родители Илоны возвысились благодаря удачному браку своей дочери. Дядя Илоны получил возможность создать политическую лигу и обрёл немалую власть, возведя своего племянника Матьяша на королевский трон. Тётя Эржебет тоже обрела власть, ведь, несмотря на то что все политические дела находились в руках мужчин, положение матери короля всё равно очень значительно.

Лишь Илона не получила выгод. Она сделала то, что должна, и не ради себя. Ей не хотелось выгодного брака, и казалось всё равно, станет ли она благодаря разным политическим интригам родственницей короля.

Даже спустя много лет Илона, уже овдовевшая, не ощущала себя особенно знатной и до конца не могла поверить, что нынешний венгерский король – её двоюродный брат. Эта близость к трону не радовала, а лишь тяготила, потому что накладывала обязательства.

Если ты родственница короля, значит, надо соответствовать положению. «Если в столице теперь носят другие вырезы и рукава, значит, придётся что-то сделать, то есть пройти по лавкам, купить новые ткани, нанять портниху», – в очередной раз сказала себе Илона, но ей так не хотелось со всем этим возиться, пусть даже вместе со старшей сестрой!

Ещё не приехав к тёте, племянница уже мечтала, как поедет обратно: «Сколько нужно прожить в гостях? Наверное, трёх недель хватит?» Предстоящие недели казались пыткой, а столица представлялась чужой, враждебной. Пусть это чувство никак не подходило знатной аристократке, но самой Илоне казалось вполне простительным, ведь она пребывала на вершинах не всегда. Знатность появилась внезапно и довольно поздно – когда взросление почти завершилось.

* * *

Всё детство и отрочество Илона жила очень скромно, потому что её кузена, Матьяша Гуньяди, в то время ещё не избрали королём, а её отец, Ошват Силадьи, ещё не стал старшим в роду и не начал заседать в королевском совете.

Пока оставался жив дядя Илоны, Михай, именно он владел Страной Силадьи, а отцу достался крохотный кусочек этих земель: десяток сёл, один городок и один небольшой замок – довольно-таки тесный.

Пусть отец Илоны принадлежал к знатной семье, но ведь он родился младшим сыном, а младшим достаётся очень мало из семейного богатства, так что отцовский замок не походил на иные громадины, занимающие собой всю возвышенность, на которой стоят. Он занимал лишь самую верхушку холма и благодаря своим серым стенам мог издали представляться даже не рукотворным строением, а куском скалы, ведь многие холмы имеют каменную вершину.

Внутри это строение напоминало пещеру, потому что штукатурки там не было почти нигде, и окон имелось не так много, а в башнях, если пробираться вверх по узкой винтовой лестнице, казалось, что выбираешься из некоего подземелья.

Лишь главный зал мог считаться по-настоящему удобным. Совсем не тесный, он легко вмещал полсотни человек. К тому же благодаря большому камину там никогда не становилось холодно, а высокие окна с витражами – совсем не как в остальном замке – пропускали много света.

Неудивительно, что в зале частенько собиралась вся семья. Мать любила сидеть и вышивать в резном кресле возле камина. В одном из углов, на широкой пристенной скамье обычно играла маленькая Илона вместе со старшей сестрой. А посредине зала, на обеденном столе отец мог разложить охотничью снасть, чтобы вместе с помощниками осмотреть и, если надо, починить.

Жизнь в замке отличалась простотой. Прислуги не хватало, на кухне готовилась почти деревенская пища, а повседневные платья Илоны, её матери и старшей сестры выглядели как одежда горожанок среднего достатка.

Бархат и шёлк надевались только по воскресеньям, когда следовало идти в церковь в городок у подножья замкового холма, а по возвращении Илона стремилась поскорее переодеться, не желая слушать материнские напоминания:

– Не испачкай подол.

Дорогие материи, как нарочно, пачкались очень легко. На них становилось видно каждое пятнышко и пылинку, а семья испытывала затруднения в средствах и не могла покупать новое всякий раз, когда старое испачкается.

Следовало бережно относиться к тому, что имеешь, но в детстве это так трудно! Пройдётся по мокрой траве, и весь нижний край белоснежной исподней рубашки сразу становится серым. Захочешь нарвать цветов – весь лиф зелёного атласного платья оказывается обсыпан жёлтой цветочной пылью. А уж пятна от ягод: синие, красные... да они сами по себе появлялись, но мать чуть ли не пересчитывала их, чтобы за каждое попенять отдельно.

Даже зимой, когда нет ни мокрой травы, ни цветов, ни ягод, а кругом один лишь чистый снег, Илона умудрялась испачкаться копотью от камина и воском от свечей. Поэтому казалось лучше избавиться от дорогого наряда, надеть простое коричневое платье из шерстяной ткани, а лисью шубку сменить на овчинный тулупчик. Тогда можно было, не опасаясь материнских упрёков, бежать играть с подругами.

Подруги Илоны и её старшей сестры Маргит не отличались знатностью и жили в городке рядом с замком, но сёстры Силады не кичились перед ними своим положением. Когда девочки все вместе катались с горки или водили хоровод, казалось невозможно отличить барышень от простушек. Лишь когда приходило время для менее шумных игр, различие в положении проявлялось.

Илона и Маргит, несмотря на семейные затруднения, всё же могли похвастаться кое-чем – дорогими деревянными куклами, которых отец купил в столице. Раскрашенные цветными красками и покрытые лаком, эти куклы вызывали зависть у всех окрестных девчонок, мастеривших себе кукол из глины или даже из старых тряпок. Однако куклы сестёр Силады выделялись не только лицами – ещё и наряды были особенные.

Когда мать всё же решалась пошить себе новое платье, а служанки принимались кроить его, Маргит и Илона вертелись подле, желая раздобыть два достаточно больших куса красивой ткани и несколько обрезков тесьмы, чтобы сшить платья своим куклам тоже. В этих обновках сёстры выносили кукол показать подругам, послушать ахи и охи.

Судя по всему, Маргит видела в своей кукле воплощение себя, потому что сама получала несказанное удовольствие от возможности появиться в обновке. А вот Илона шила не для себя. Пусть она поначалу не сознавала этого, но её кукла больше напоминала ей деревянную фигурку в церкви – фигурку младенца Иисуса, которого держала на руках Дева Мария.

* * *

Беззаботные игры продолжались, пока Илоне не исполнилось десять лет. Старшей сестре в то время уже минуло двенадцать, и тогда мать сказала, что для Маргит нужно новое платье, причём взрослое – с юбкой до пят. Для него купили отрез шёлка нежно-розового цвета, чтобы выгодно подчеркнуть золотисто-каштановый цвет волос, которые можно было пока не прятать под белой тканью, и светло-карие глаза.

Радостная Илона, ещё не понимая, что всё меняется, набрала лоскутков, сшила платье своей кукле, но радовалась недолго. Оказалось, что старшая сестра больше не хочет играть в куклы. Маргит говорила лишь о своём собственном платье и о том, что скоро у неё будут и другие взрослые обновки:

– Мама обещала, – мечтательно улыбаясь, повторяла сестра.

Она при всяком случае поглядывала на себя в зеркало, стоявшее на туалетном столике, и ждала чего-то, а в середине зимы – вскоре после того, как Маргит получила платье – отец устроил в замке праздник, позвал всех соседей и, будто невзначай, представил им свою старшую дочь:

– Маргит, выйди, покажись.

Та остановилась посреди главного зала, наполненного незнакомыми мужчинами и женщинами, присела в поклоне, а затем начала чуть поворачиваться из стороны в сторону и скромно опускать глаза, как научила мать, ведь на самом-то деле Маргит по характеру была бойкая, но гостям этого знать не следовало.

На хозяйскую дочь также смотрели несколько мальчиков чуть постарше, чем Маргит, но было видно, что главное здесь – мнение взрослых мужчин и женщин, а вовсе не мальчишек. Вот почему, когда взрослые гости сказали, что «девочка очень мила и хорошо воспитана», на лицах её родителей появились довольные улыбки, а вслед улыбнулась и сама Маргит.

Не улыбалась лишь десятилетняя Илона, которая с куклой в руках, одетая в зелёное детское платьице, выглядывала из полуоткрытых дверей. Младшая сестра уже понимала, что же происходит – что всё меняется, и что детские годы Маргит вот-вот подойдут к концу.

Как и следовало ожидать, у Маргит вскоре появился жених, и теперь все разговоры она вела только о нём, хоть и видела его лишь раз – на празднике. Так прошёл год. Затем старшая сестра вышла замуж и уехала, оставив младшей свою куклу и детские платья, которые Илона донашивала, а ещё через год мать сказала, что пора и для младшей дочери шить взрослый наряд – из тёмно-синего шёлка, чтобы стало не так заметно, если дочь по обыкновению испачкается.

В начале апреля, когда подсохла дорожная грязь, в замок ненадолго приехал отец, привёз из столицы материал на дочкино платье и сказал, что вернётся летом, когда всё будет готово.

Илоне уже исполнилось двенадцать, и она понимала, что скоро повторит путь старшей сестры. Правда, никакого праздника родители устраивать не стали, а вместо этого, выбрав время в середине лета, посадили младшую дочь в колымагу и повезли по дороге через зелёные поля «к соседям».

Оказалось, что на давнем зимнем празднике решила судьба не только Маргит, но и самой Илоны, ведь родители тогда заверили гостей, что младшая дочь со временем сделается очень похожа на старшую.

Как и надеялись отец с матерью, их словами очень воодушевилась одна из семей, живших неподалёку, где подрастал сын. Маргит стала бы для мальчика слишком взрослой, а вот Илона – в самый раз.

Семья, с которой предстояло породниться, жила в таком же маленьком замке, как и сами родители Илоны, а жених оказался таким же мальчишкой, как те, которых привезли на давний праздник. Вернее, те мальчишки уже выросли, а этот только собирался. Он был ровесником своей невесты, поэтому свадьба могла состояться лишь через год-два, но родители будущих супругов решили, что «детям» следует увидеться и познакомиться.

Когда «дети» церемонно поклонились друг другу и замерли, не зная, что же делать дальше, мать жениха мягко улыбнулась и сказала:

– Я думаю, вы можете пойти поиграть вместе.

Мать Илоны с беспокойством взглянула на неё:

– А ничего не случится?

Мать жениха снова улыбнулась всё той же мягкой улыбкой:

– Ну, что вы, Агота. Волноваться не о чем. Он ещё не дорос.

Лишь позднее Илона поняла, что мать опасалась, как бы «дети не сыграли свадьбу раньше времени», но волнения оказались напрасны. Наверное, мать сразу успокоилась бы, если б могла заглянуть в мысли дочери и увидеть то же, что видела Илона, ведь дочь в своём полудетском возрасте ясно чувствовала, что её жених тоже ещё незрелый. Судя по выражению его лица, никаких взрослых мыслей он в голове не держал и оказался весьма недоволен, что надо играть с девчонкой. Наверное, этот жених просто не знал, что придумать, если мать велела развлекать невесту, а Илона смотрела на него с любопытством, гадая, как же он выкрутится.

В итоге жених, обречённо вздохнув, повёл навязанную ему девчонку сначала во двор замка, а затем вышел за ворота и начал спускаться к реке по крутой тропинке. Илона старалась не отстать. Длинная юбка взрослого платья только мешала в этом, но жаловаться вряд ли следовало, а жених, как нарочно, шёл быстро, даже не оглядываясь на свою спутницу.

Возле реки показалась огромная ветвистая ива. Именно там – на берегу возле дерева – путь окончился, и Илона вдруг заметила среди ветвей что-то похожее на шалаш. Жилище состояло из палок, связанных верёвками, а от земли к нему тянулась самодельная лестница, собранная таким же способом, то есть без гвоздей.

– Вот, – сказал жених, указывая на иву, – это мой собственный замок.

Илона ничего не ответила, но, подойдя ближе к стволу и задрав голову, начала с любопытством рассматривать шалаш меж ветвей. Тем временем жених что-то заметил в траве или на валунах, лежавших неподалёку:

– Закрой глаза и не подглядывай, – строго сказал он.

Илона повиновалась, хотя ей хотелось бы продолжить осмотр «замка» и даже побывать внутри. И всё же она промолчала, подумав, что ей могут и не разрешить. По всему было видно, что замок на дереве принадлежит местным мальчишкам, а девчонкам туда нет хода. Окажись здесь хоть одна девочка, она, конечно, не допустила бы, чтобы под деревом, в истоптанной траве валялись гнилые яблочные огрызки, грязный кусок верёвки, сломанная палка и ещё какой-то мусор. Даже с закрытыми глазами Илона видела всё это, и ей хотелось навести порядок.

– Сделай руки лодочкой, – услышала она и снова повиновалась. А затем почувствовала, как ей в руки что-то вложили и заставили изменить положение ладоней так, что «лодочка» стала «орешком».

Илона открыла глаза. Внутри сложенных ладоней что-то зашевелилось, цепкими лапками царапая по коже, а затем в узеньком просвете между пальцами показался чешуйчатый хвост.

– Ой, ящерка, – весело улыбнулась Илона жениху, который, стоял рядом и смотрел выжидающе.

И тут его лицо изменилось. Он тоже улыбнулся, весело и открыто:

– Ты смелая. Я думал, ты сейчас сделаешь так... – Мальчишка пронзительно взвизгнул, а затем принялся прыгать на месте, тряся руками.

– Я никогда так не делаю, – серьёзно ответила Илона.

Весь остаток дня они играли в мальчишеские игры: секли палками камыш, представляя, что рубят врагов острыми мечами; скакали на «конях», которые были обычными палками; кидали камушки в реку, соревнуясь, кто дальше докинёт, а чтобы состязание было чест-

ным, жених кидал неудобной ему левой рукой. Даже в шалаше на дереве Илона побывала, но недолго, потому что внутри не оказалось ничего интересного – просто пустое жилище.

Под вечер, когда небо на западе уже начало розоветь, жених повёл свою невесту обратно, но теперь не шёл так быстро и время от времени оглядывался – не отстаёт ли та.

– Хочешь, я тебе кое-что подарю? – спросил он, в очередной раз обернувшись.

– А что это будет? – спросила Илона.

– Увидишь. Ну что? Хочешь, подарю?

– Хочу.

– Тогда подарю, когда придем.

Исполнению обещания помешал ужин. Хозяева и гости сидели за одним столом, обсуждая общее будущее, и мало обращали внимания на «детей», тоже сидевших за трапезой. Наверное, оставить их без внимания было бы лучше, но тут отец жениха улыбнулся с хитрецей и шутливо спросил:

– Ну что, сынок, нравится тебе Илона?

Двенадцатилетний жених набылчился и ничего не ответил. Тогда его спросили снова, и тот снова промолчал, а на третий раз просто выскочил из-за стола, сердито громыхнув тарелкой, и убежал.

Взрослые лишь посмеялись, глядя ему вслед, а затем отец жениха спросил невесту:

– Ну а тебе, Илона, нравится мой сын?

– Да, – коротко ответила она, опустив глаза.

Уже после ужина, совсем поздно, когда весь замок готовился ко сну, жених постучал в её дверь. Открыла служанка – Йерне, в те годы ещё очень молодая, но уже грузная. Она хотела было сказать: «Господин, ты чего? Завтра приходи», – но Илона, махнув на неё рукой, подошла к двери.

– Вот, – произнёс жених, не переступая порог, и протянул на ладони бабочку-белянку. – Вот это я хотел тебе подарить.

Бабочка лежала в руке неподвижно, распластав крылья, потому что уснула, уснула навсегда, но выглядела, как живая. Усики не были обломаны, и крылья не потёрлись.

– Она была в моей комнате на окне, – пояснил жених. – Девчонкам такие нравятся, да?

– Да, – сказала Илона, подставляя свою ладонь и действительно любуясь бабочкой.

Даритель аккуратно отдал белянку, повернулся и ушёл, даже не попрощавшись, но это не казалось обидным, а получательница подарка вернулась в комнату, дошла до туалетного столика и левой, свободной, рукой открыла шкатулочку, где хранила украшения, детские, а потому недорогие – драгоценностями их никто бы не назвал. Илона всё так же левой рукой вытряхнула украшения на столик и положила свою первую настоящую драгоценность в опустевшую шкатулку. Бабочка, будто живая, уцепилась за красный бархат обивки и уже никуда бы не сползла.

Украшения Илона завязала в платок и снова начала готовиться ко сну, но за то время, пока в комнате ещё не погасили свет, несколько раз подходила к туалетному столику, приоткрывала шкатулку и смотрела, как там бабочка. Смотреть почему-то казалось очень приятно, и в то же время так грустно было сознавать, что пребывание в гостях завтра закончится. Следующим утром предстояло отправиться домой.

«У меня есть жених. У меня есть жених», – мысленно повторяла Илона, сидя в колымаге вместе с родителями. Шкатулочку с бабочкой юная невеста держала на коленях, а по окончании путешествия поставила в своей комнате на самое видное место.

Свадьбу решили сыграть через полтора года, и казалось, что исполнению этого намерения ничто не могло помешать, но именно в это время Венгерское королевство пережило целый ряд сильных потрясений. Илона, живя в захолустье, поначалу не испытывала на себе влияние

тех событий, которые будоражили государство, но в конце концов оказалась втянута во взрослые дела.

Это случилось через пять месяцев после знакомства с женихом, подарившим бабочку, то есть в начале декабря – в холодный и хмурый день. Вернее, хмурым он стал казаться лишь тогда, когда родители сказали, что надо думать прежде всего о семейном благополучии, а не о себе.

Мать позвала Илону в свою спальню, сама встретила пришедшую дочь на пороге, пропустила в комнату, а там оказалось, что в кресле у окна сидит отец, и, значит, беседа предстоит важная:

– Доченька, у нас для тебя очень хорошие вести, – сказал он.

Илона насторожилась, потому что почувствовала – родители действительно радовались, но были не уверены, что обрадуется дочь, поэтому отец говорил нарочито весело и нарочито ласково.

Мать, встав возле него, сказала:

– Мы нашли тебе нового жениха. Из очень знатного и богатого рода. Достойный сын достойных родителей.

– А как же..? – Илона хотела спросить про прежнего жениха, но не договорила, осеклась, потому что вдруг поняла, что родители уже всё решили и сказали о своём решении той, другой, семье, и там не стали возражать. Прежний жених был уже не жених!

– Не беспокойся о том, что случилось раньше, – ответила мать. – Та старая помолвка – ещё не свадьба. Обещание, которое даётся во время помолвки, можно взять назад, и в этом нет бесчестия ни для одной из сторон.

Илона молчала.

– Ты хочешь ещё что-нибудь спросить у нас? – участливо осведомился отец.

Дочь помотала головой. Она знала, что если скажет хоть слово, в голосе послышатся слёзы.

– Ты не хочешь узнать даже имя будущего мужа? – шутливо удивилась мать, улыбнулась и продолжала: – Его зовут Вацлав Понграц. Он из той семьи Понграцев, которые живут в Липто. Это далеко отсюда, в Словакии. А семья очень богатая. Они одалживали деньги даже королям. Теперь мы породнимся с этой семьёй. Очень большая честь, в том числе для тебя. На этот раз решение окончательное. Ты выйдешь замуж этой весной. Рождество и Пасху мы встретим в столице. К тому времени тебе исполнится тринадцать, а после состоится свадьба.

Илона молчала.

– Ты рада, дочка? – спросил отец.

Илона не ответила и побежала прочь, в свою комнату, где на видном месте по-прежнему стояла шкатулка с белой бабочкой внутри. Сколько раз Илона представляла, как отвезёт эту шкатулку своему прежнему жениху, откроет и скажет: «Смотри, я сохранила твой подарок». И вот теперь оказалось, что никуда эта бабочка не поедет. Тот мальчик уже не ждёт её, потому что ему тоже сказали, что свадьба отменена. А может, ему уже нашли новую невесту?

Если раньше шкатулка, стоявшая на видном месте, напоминала о будущем счастье, то теперь колола глаза и заставляла плакать. Илона схватила её и снова побежала, но теперь вниз, в большой зал, где горел камин. Хотелось поскорее избавиться от напоминания. Казалось, что если сделать это, то станет легче. Илона подбежала к камину, открыла шкатулку и поспешно, чтобы вдруг не передумать, вытряхнула в огонь ту единственную драгоценность, которая хранилась внутри.

Бабочка сгорела в одно мгновение – вспыхнула огненной звёздочкой, которая тут же пропала, а дно шкатулки, обитой красным бархатом, опустело. Напоминание исчезло, но легче почему-то не стало. Илона села на пол, заплакала, и именно в таком виде, плачущей, её застала мать.

– Ну что ты! Не нужно, – сказала мать, усаживаясь на пол рядом с дочерью. – Доченька, всё хорошо. Значит, ты успела привязаться к тому мальчику? Ничего. Ты забудешь его. И я обещаю тебе, что твоя новая свадьба не отменится.

– Зачем нужна новая свадьба? Зачем? – спросила Илона сквозь слёзы.

– А ты совсем не хочешь, чтобы она была? – мать, кажется, была озадачена.

– Нет, не хочу.

– Доченька, ты не должна так говорить. Это очень выгодный брак. Мы не могли и мечтать о таком. Разве ты не хочешь, чтобы наша семья возвысилась?

Конечно, Илона должна была думать о семье и всё же осмелилась возразить:

– А разве мой прежний жених совсем не знатный?

– Дело не только в знатности. – Мать покачала головой. – Если мы породнимся с липтовскими Понграцами, от этого станет хорошо не только нашей семье, но и твоему кузену Матьяшу, который нуждается в твоей помощи.

Это сейчас все знали, кто такой Матьяш – блистательный венгерский король, а в те времена почти никто ничего о Матьяше не слышал. Даже Илона, которой тогда исполнилось лишь двенадцать. Она знала лишь то, что у неё есть кузены – два сына тёти Эржебет. Младшего звали Матьяшем, и он действительно мог нуждаться в помощи, потому что в семье тёти случилось горе. Тётин муж, господин Янош Гуньяди, умер, когда воевал с турками, и с тех пор всю семью Гуньяди стали преследовать несчастья.

– Матьяшу всего четырнадцать лет, поэтому он не может сам себе помочь, – продолжала объяснять мать.

– А что с ним случилось?

– Он в плену у богемцев³. Матьяш оказался там не по своей вине и очень хочет вернуться домой. Нужны деньги, чтобы выкупить его. Нужно заплатить шестьдесят тысяч золотых, но у твоей тёти нет столько денег. И у всей нашей семьи нет. А Понграцы обещали дать столько, сколько нам не хватает, если...

– Если я выйду замуж за Вацлава Понграца?

– Да.

Мать говорила с такой убеждённой, как если б сама обещала свою дочь Понграцам, а ведь на самом деле это решение принял Михай Силадьи, старший отцов брат.

У Михая не было детей, но он знал, что его младшая племянница ещё не замужем, поэтому пообещал её Понграцам, чтобы получить от них деньги и заодно создать политическую лигу, а младшему брату он сообщил об этом почти так же, как родители сообщили Илоне:

– Послушай-ка, Ошват, я нашёл для твоей младшей дочери отличную партию.

III

Родительский замок, в котором Илона прожила всё детство и отрочество, находился в таком глухом уголке Эрдели, что ни одна большая беда туда не заглядывала. Великие беды любят приходить в такое место, где людей побольше, а в захолустьях слышны лишь отголоски горестных событий.

Спокойного течения жизни в маленьком замке особенно не изменило даже турецкое нашествие летом тысяча четыреста пятьдесят шестого года, когда султан со своим войском осадил крепость Нандорфехервар⁴ на Дунае. Конечно, отец Илоны вместе со своим старшим братом Михаем, которому во всём подчинялся, ушёл на войну и забрал с собой нескольких слуг и работников, выдав им оружие, однако забирать было почти некого, так что уклад жизни остался почти прежним.

³ Богемцами в Средние века и позднее называли чехов.

⁴ Нандорфехервар – венгерское название сербского Белграда.

Конечно, все в замке очень беспокоились за тех, кто отправился воевать. Теперь каждое утро мать Илоны приказывала служанкам и оставшимся в замке слугам собираться в капелле. Преклонив колени перед потемневшим от времени деревянным распятием, которое висело на стене над мраморным алтарём, вся челядь во главе с хозяйкой молила Господа, чтобы был милостив, даровал победу христианам.

Такая же молитва возносилась каждое воскресенье в храме городка, куда мать Илоны продолжала ходить вместе с дочерью на воскресную мессу, а дочь, склонившись справа от матери, искренне молилась и в капелле, и в храме, но по выходе оттуда уже не могла продолжать грустить и тревожиться. Летнее солнце было таким ярким, а летнее небо – таким голубым. В подобные дни очень трудно всё время думать о грустном, особенно когда тебе не исполнилось даже двенадцати лет. Пусть старшей сестры, которая вышла замуж и уехала, уже не было рядом, но остались подруги, с которыми Илона играла в весёлые игры и забывала обо всём.

Война с турками окончилась внезапно. Илона узнала об этом, когда в замок пришло письмо, где отец сообщал, что жив, совершенно здоров и скоро вернётся домой, потому что турки отступили. Так же благополучно эта война закончилась для старшего отцова брата – Михая, а вот для мужа тёти Эржебет, которого звали Янош Гуньяди, всё закончилось плохо, хотя поначалу казалось, что опасность позади.

Отец и дядя Илоны, участвовавшие в обороне Нандорфехервара, после отступления турецкой армии поехали домой, поскольку посчитали свой долг выполненным, и это спасло их, ведь после их отъезда в Нандорфехерваре появилась чума.

Муж тёти Эржебет, который возглавлял оборону Нандорфехервара и потому не мог покинуть крепость даже после ухода турок, умер от чумы⁵, а ведь многие в королевстве говорили, что ему всё нипочём и всегда везёт.

Это был очень могущественный человек. Одно время он даже управлял Венгерским государством от имени короля, но когда Яноша забрала смерть, положение семьи Гуньяди сильно пошатнулось, из-за чего в свою очередь пошатнулось положение семьи Силадьи, ведь две семьи оставались связаны очень тесно – не только через родство, но и через общие политические дела.

Михай, дядя Илоны, всегда поддерживал Яноша. И, разумеется, поддерживал свою сестру Эржебет, Яношеву вдову, а ей пришлось несладко, потому что её старший сын, Ласло, сделавшийся новым главой семьи Гуньяди, сильно поссорился с тогдашним венгерским монархом.

Не прошло и года после смерти Яноша, как старший сын тёти Эржебет оказался казнён по высочайшему повелению, а младший сын, Матьяш, стал королевским пленником⁶. Положение семьи Гуньяди, а также положение семьи Силадьи пошатнулось ещё больше.

Ласло Гуньяди был казнён в тот год, когда Илона получила в подарок бабочку. Илоне про Ласло не рассказали. Лишь спустя восемь месяцев после его смерти она узнала, что отец, привезя из столицы кусок дорогого синего шёлка на первое взрослое платье дочери, привёз ещё и дурные вести, и что родители, поздним вечером запершись вдвоём, говорили о своём незавидном положении.

Лишь спустя восемь месяцев Илона узнала о содержании разговора, но и то без подробностей – мать рассказала не всё, поэтому дочери оставалось лишь додумывать, как вели себя родители.

⁵ Янош умер от чумы в Белграде 11 августа 1456 года вскоре после того, как эта крепость выдержала длительную осаду большой турецкой армии, возглавленной лично султаном Мехмедом II.

⁶ Ласло Гуньяди после поссорился с венгерским королём Ласло Постумом и был казнён 16 марта 1457 года.

Илона представляла себе тихую доверительную беседу, и, наверное, именно так всё и происходило. Если б мать громко причитала, а отец рассердился на её слёзы, это стало бы слышно далеко за пределами родительских покоев.

– Агота, за обедом я не сообщил тебе нечто очень важное, – должно быть, произнёс отец, придя в женину спальню и запирая за собой дверь.

– О чём ты говоришь, мой супруг? – вероятно, спросила мать Илоны.

Время было позднее, поэтому мать, конечно, уже готовилась ко сну, но, услышав слова про «нечто важное», обула домашние шлёпанцы на деревянной подошве, накинула халат и приготовилась слушать.

– Я не знаю, что случится, – продолжал отец, присаживаясь на кровать. – Наши дела и так плохи, но как бы не стало ещё хуже.

– Твой племянник Ласло казнён. Куда же хуже? – настороженно спросила мать, присаживаясь рядом.

– Михай и Эржебет поклялись не оставить это так. Они решили отомстить за его смерть.

– Что? – Мать ушам не поверила. – Мстить королю? Они безумцы.

– Что же делать, если они – мой брат и моя сестра, – ответил отец. – Я связан с ними. Я не могу остаться в стороне от этого дела, даже если хочу.

– Но ты же понимаешь, что месть королю – это заговор против власти? Ты хочешь быть заговорщиком? Ах, Боже Всемогуший, но это же так опасно, – вероятно, зашептала мать и могла бы расплакаться.

– Знаю, что опасно, – ответил отец. – Если б всё зависело от меня, я бы ничего не начинал.

– Но ты можешь попробовать переждать бурю, – осторожно предложила мать. – Михай отпустил тебя из столицы ко мне и к Илоне? Не возвращайся. Остайся с нами.

– Я приехал не к вам, – глухо произнёс отец. – По поручению Михая мне следует объехать все земли Силадьи, чтобы повелеть всем вассалам моего брата собрать воинов и немедленно явиться в столицу. Никто ещё не знает об этом. При дворе думают, что я поехал готовить помолвку дочери. Но когда я начну собирать людей, скрывать станет невозможно. Что, если новость дойдёт до королевского двора слишком быстро? Что, если Михая отрубят голову, потому что он затеял бунт против короля? Ласло обезглавлен. Михая могут обезглавить. А кто следующий? Я?

– Ах, Ошват. – Мать не знала, что ещё сказать, поэтому прижалась лбом к его плечу.

К счастью, отцу Илоны удалось сделать всё правильно. При дворе очень долго не знали о том, что из Эрдели к столице движется не одно, а целых два войска вооружённых дворян. Первая армия, собранная отцом Илоны, двигалась из земель Силадьи, а другая, собранная тётей Эржебет, шла из земель Гуньяди.

Позднее кто-то рассказывал, будто Эржебет ради того, чтобы собрать и вести войско, облачилась в мужской костюм, но в действительности она оставалась в женском платье. Её тёмный траурный наряд воздействовал на воинов куда лучше, ведь они прекрасно знали, по ком этот траур. Эржебет носила траур по мужу, Яношу Гуньяди, который в своё время отразил нападение турок на Венгрию, и по сыну, Ласло Гуньяди, который хоть и не успел прославиться как полководец, но всё равно считался достойным наследником своего отца.

Этот поход стал частью семейного предания, но Илона, слушая рассказы о походе, так и не смогла для себя уяснить, что стали бы делать оба войска, подойдя к столице. Отец и тётя собрали около пятнадцати тысяч, но этого никак не хватило бы, чтобы осадить такую огромную крепость, как королевская резиденция. Возможно, дядя Илоны, Михай Силадьи, надеялся подкупить стражу, ведь резиденция имела несколько въездов, и если бы хоть один оказался случайно открыт, то пятнадцать тысяч вооружённых людей быстро завладели бы крепостью.

Наверное, король тоже подумал, что стража любит деньги, и потому испугался. А может, ему стали известны слова, сказанные Михаем перед строем объединённого войска:

– Пусть нас лишь пятнадцать тысяч, но мы всё те же, что и раньше. Мы всё те же, что год назад, когда одержали победу над самим султаном! Неужели мы отступим перед негодьями, которые год назад прятались от султана за нашими спинами?!

Михай говорил о том, что во время обороны Нандорфехервара лишь войска Гуньяди и Силадьи вместе с народным ополчением выступили против турок. Выступили и победили, в то время как войска других знатных семей Венгрии оставались в бездействии, а король, очень напуганный, бежал из страны задолго до прихода нехристей. Наверное, поэтому монарх, узнав, что войска Гуньяди и Силадьи выступили уже против него, снова бежал и снова сделал это заранее.

В тот день, когда армии, собранные отцом и тётей Илоны, объединились и приблизились к столице, короля там уже не оказалось. Он вместе с придворными и с Матьяшем, по-прежнему остававшимся королевским пленником, спешно уехал в Богемию – в Прагу.

Тётя Эржебет очень горевала и говорила всем:

– Я уже потеряла одного сына. Неужели потеряю и второго?

Дядя Михай утешал её, уверяя, что горевать рано:

– Мы вызволим его, вызволим. – Но сам пока не знал, что делать.

Лишь отец Илоны радовался, хоть и втайне. Он радовался, что кровопролития не случилось, и решил поскорее устроить помолвку, пока не случилось ещё чего-нибудь, а младшей дочери ничего не рассказывал о семейных печалях и опасных делах.

Это молчание казалось правильным. Зачем «девочке» знать, что её старший кузен Ласло, которого она никогда не видела, казнён? Зачем ей знать, что её отец вместе с её дядей и тётей участвовали в бунте против короля? Совершенно незачем.

Илона узнала об этом только тогда, когда беглый король внезапно умер в Праге, а Матьяш остался там⁷, потому что богемцы не захотели его отпускать просто так и потребовали выкуп в шестьдесят тысяч золотых. Михай и Эржебет Силадьи, посовещавшись, решили, что лучше заплатить, чем торговаться, хоть и не располагали нужной суммой, но тут подвернулись Понграцы из Липто. Дело сладилось, и вот тогда Илона узнала всё.

Ей сообщили не только про Матьяша, но и про Ласло, однако сделали это вовсе не потому, что желали посвятить во все подробности семейных дел. Просто настало время двенадцатилетней Илоне ехать в столицу, чтобы вступить в брак, а в столице она неизбежно встретилась бы со своей тётей Эржебет и, значит, должна была выразить соболезнования по поводу смерти Ласло. Только поэтому «девочке» всё и рассказали.

* * *

Буда – столица Венгерского королевства, огромная, шумная. Ещё до того, как вдали покажутся очертания крепости на холме, делалось ясно, что город близко, ведь тракт становился всё шире, а путников и повозок на нём виднелось всё больше.

Овдовевшая Илона, ехавшая в колыхаге вместе со своей служанкой Йерне, из-за неприятного разговора невольно вспомнила, когда последний раз посещала Буду. Да, это было более пяти лет назад, по возвращении из Липто, то есть в тот раз Илона ехала по другому тракту – с севера, из Словакии.

А вот по этой дороге, по которой колыхага гроыхала сейчас, Илона последний раз ехала в Буду невообразимо давно – семнадцать лет назад. Тогда, когда пришлось впервые посетить столицу, чтобы вступить в брак, устроенный дядей. Путь точно так же пролегал с запада, из Эрдели.

⁷ Король Ласло Постум, увёз пленного Матьяша с собой в Чехию (Богемию), внезапно умер в Праге 23 ноября 1457 года во время подготовки к своей свадьбе.

Несмотря на прошедшие годы, путешественница всё помнила, поэтому сейчас, в тёплый день мая, ей вспоминался декабрь. Ведь семнадцать лет назад она совершала поездку именно в декабре.

Сейчас, погожим майским днём, в просвете между красными парчовыми занавесками, прикрывавшими окно колымаги, виднелись пыльная дорога, копыта лошадей, колёса телег и кожаные башмаки путников. Но Илона мысленным взором видела не пыльные колеи, а колеи в рыхлом снегу.

Тогда, в далёком декабре она тоже сидела в колымаге, а окошки у той колымаги были совсем маленькие, но зато застеклённые, потому что зима выдалась холодная и снежная. Сквозь окошко виднелся лишь изъезженный тракт, но двенадцатилетняя Илона всё равно смотрела туда, потому что не хотела встречаться взглядом с матерью, сидевшей напротив.

Несмотря на хмурую погоду, мать пребывала в радостном настроении, а дочь не хотела лишний раз показывать, что не разделяет этой радости. Вот и оставалось смотреть либо в окошко, либо на свои руки, лежавшие поверх овчины, накинутой на колени для тепла.

Помнится, под ногами Илоны, обутыми в тёплые сапожки, тоже лежали овчинные шкуры. И ещё одну овчину, тулуп, то и дело набрасывала ей на плечи вездесущая Йерне, а Илона при всякой возможности стряхивала его, потому что в лисьей шубке и так казалось душно.

Все очень боялись, что Илона простудится в пути, ведь в те дни она, несомненно, была главной семейной драгоценностью. Её следовало беречь для свадьбы. Так и ехала эта драгоценность, всеми оберегаемая, и смотрела в окошко.

Помнится, она задумалась и не заметила, как изъезженная дорога сменилась брусчаткой Верхней Буды – крепости, расположенной на холме возле Дуная. Колымага некоторое время тащилась по мощёной улице, затем остановилась и наконец вкатилась в ворота большого дома, принадлежавшего дяде Михаяу.

Теперь этот дом принадлежал отцу Илоны, потому что Михай умер, не оставив наследников, а семнадцать лет назад отец был там лишь гостем. Илона даже удивилась, когда отец, а не дядя, распахнул дверцу колымаги, улыбнулся, спросил путешественниц, хорошо ли те доехали, а затем повёл их через дворик в комнаты.

Всё в доме показывало, что здесь живёт очень богатый человек, потому что стены во многих комнатах были не только оштукатурены, но и покрыты затейливой росписью. Дубовые столы, стулья и скамьи, украшенные искусной резьбой, выглядели очень дорого. На полах лежали ковры – невиданная роскошь, ведь так они очень быстро вытерлись бы – и всё же юную гостью это хоть и удивило, но не ошеломило.

Илона подумала, что дом выглядит очень небольшим – не больше, чем тот замок, в котором она росла. Комната, которую ей дали, оказалась совсем маленькой, а единственное окошко смотрело в крохотный садик, где сквозь снег торчали засохшие цветы. От вида этих цветов стало ещё грустнее, чем раньше, но Илона, конечно, ничего об этом не сказала хозяйке дома, жене дяди Михая, а лишь благодарила её за гостеприимство.

После долгого путешествия Илоне не сиделось на месте, поэтому она в сопровождении служанки вышла со двора и поднялась на крепостную стену рядом с дядиным домом. Неподалёку, справа виднелись островерхие башенки королевского дворца, устремлённые в серое пасмурное небо. Прямо под стеной начинались полускрытые под снегом красные черепичные крыши Нижнего города. Чуть вдалеке вилась широкая белая лента замёрзшего Дуная, а на той стороне реки смутно различался некий городок, окружённый белыми полями.

Впоследствии Илона поднималась на стену ещё не раз и видела, как красные черепичные крыши всё больше заматало, а иногда снег порошил так сильно, что Дунай и противоположный берег почти исчезали. Исчезали и окрестные горы на этой стороне реки, так что казалось, что в мире не существует ничего, кроме города, такого суетливого и шумного, но совсем не весёлого.

Конечно, грустить Илоне не следовало, ведь давно наступил Адвент, то есть период радостного ожидания Рождества. Она даже стыдилась, что не может стать весёлой и довольной, подобно своим родителям. А те выглядели особенно довольными, когда отвели её в дом неподалёку, где жила тётя Эржебет. Тогда-то и состоялась первая встреча с этой родственницей.

– Девочка моя, не бойся. Дай мне на тебя посмотреть, – нарочито ласково произнесла тётя, а затем, взяв племянницу за подбородок и вглядевшись в её лицо, добавила: – Ты очень хорошенькая.

Тётя Эржебет почему-то проявила к племяннице расположение: велела приходить чаще, о многом с ней говорила и даже делала небольшие подарки, когда Илона, сопровождаемая служанкой, в очередной раз являлась в гости.

Первым таким подарком стала пара синих бархатных перчаток с золотой вышивкой. Они пришлись очень кстати, ведь в ту зиму были сильные холода. Дунай покрывался льдом не каждый год, и если уж это случалось, то все говорили, что зима необычайно сурова.

– Возьми, моя девочка, – сказала тётя, отдавая перчатки. – Когда-то я сама их носила, а теперь руки у меня уже не такие маленькие, как были, когда я только-только вышла замуж. Думала, подарю перчатки своей дочери, но у меня нет дочерей, поэтому отдаю тебе.

– Благодарю, тётушка, – скромно ответила Илона, а Эржебет всё продолжала говорить:

– То ли ещё будет. Подожди немного, моя девочка. Вот вернётся к нам мой Матьяш и станет королём. И тогда у нас появится много денег. Это ничего, что сейчас мы стеснены в средствах и еле-еле наскребли, чтобы заплатить выкуп за Матьяша. Шестьдесят тысяч – небольшая сумма, но её стоило отдать, а когда мой Матьяш станет королём, у нас будет больше, гораздо больше, и мы сошьём тебе много красивых платьев. Ты ведь хочешь, чтобы у тебя были наряды?

– Тётушка, мне хорошо и так, – ответила Илона, но тётя Эржебет возразила:

– Ты просто не знаешь, что такое иметь много платьев, моя милая. Ты уж прости меня, но я знаю, как ты жила. Твой отец не имеет больших доходов, и он недостаточно ловок, чтобы восполнить это за счёт военной добычи. Не смотри на меня так. Твой отец – мой младший брат, и потому я имею право говорить о нём то, что думаю. Он не достаточно ловкий человек, но это обернулось ему на пользу, ведь он не успел выдать тебя замуж. Поэтому ты сможешь помочь моему Матьяшу и получишь то, чего достойна – богатую свадьбу с очень знатным женихом. У тебя будет много платьев, и ты увидишь, как это хорошо.

Илона хотела ответить, что предпочла бы вернуться домой и выйти замуж за прежнего жениха, а не за нового, но она знала – так говорить нельзя. Липтовские Понграцы уже дали свою часть денег для выкупа за Матьяша, сделка состоялась, и теперь семье Силадьи следовало исполнить свою часть обязательств.

Каждое слово тёти лишь подтверждало неизбежность предстоящего брака. Например, в одно из воскресений, когда Илона вместе с матерью и тётей, как обычно, пошла на мессу в собор Божьей Матери на главной площади Верхнего города, тётя улыбнулась и спросила:

– А ты знаешь, моя милая, что в этой церкви состоится твоё бракосочетание?

Ах, совсем не так представляла себе Илона ту церковь, в которую войдёт невестой, а выйдет – замужней. Думалось, что это будет небольшая церковь в городке в Эрдели, а не огромный собор, чьи крестовые стрельчатые своды поднимались невообразимо высоко и почти скрывались в полумраке, который царил наверху.

Лишь во время ночной рождественской службы вся церковь осветилась множеством свечей, и Илона, стоя вместе со всеми в толпе молящихся, немного повеселела.

После Рождества племянница уже почти смирилась со своей судьбой, так внезапно изменившейся, и теперь охотнее прислушивалась к словам тёти, рассуждавшей о политических делах.

В конце января Илона вместе с ней и с матерью стояла на городской стене, наблюдая, как внизу, на льду замёрзшего Дуная собирается толпа людей. И вдруг вся эта толпа хором закричала:

– Матьяша на трон! Матьяша! Да здравствует король Матьяш!

Это были те самые пятнадцать тысяч воинов, минувшей весной собранные в землях Силадьи и Гуньяди. Когда стало ясно, что воевать не с кем, Михай Силадьи отпустил этих людей по домам, но когда из Праги пришла весть, что венгерский трон неожиданно освободился, эти люди получили приказ снова явиться к стенам Буды, и теперь стало ясно, зачем.

– Матьяша в короли! – кричало войско, стоя на льду Дуная, а на крепостной стене уже собралось множество жителей Буды.

Некоторые из зрителей начали вторить войску:

– Правильно! Матьяша на трон! Матьяша! – А войско будто отвечало им:

– Матьяша!

Толпа на стене ещё больше взбудоражилась, зашумела, послышался весёлый одобрительный смех.

– Матьяша! – кричала люди на городской стене.

– Матьяша! – отвечали воины на льду реки.

Раскатистые крики вояк, стоявших посреди замёрзшего Дуная, легко долетали до Верхнего города и в том числе до окон королевского дворца, где как раз заседало Государственное собрание, состоявшее из баронов и более крупных землевладельцев. Они должны были выбрать себе нового короля, а толпа под окнами дворца прямо подсказывала, кого надо выбрать.

– Теперь уже скоро, – сказала тётя Эржебет, задумчиво улыбаясь. – Теперь скоро, – повторила она и направилась в свой дом ждать новостей об исходе заседания, а родственниц пригласила следовать за ней.

Ждать известий пришлось до самого вечера, и чем дольше длилось ожидание, тем больше волновалась тётя, а ведь сама не раз говорила, что всё уже и так решено. Её беспокойство почти не проявлялось. Просто она, сидя в резном кресле возле изразцовой печи, час от часу становилась всё более молчаливой, а когда за окнами уже начало темнеть, и челядь принесла в комнату зажжённые свечи, Эржебет проворчала:

– Да что ж они так тянут! Дело же ясное!

Наконец, в нижнем этаже дома послышались какой-то шум и оживлённые голоса. Это явился дядя Михай со своими слугами, которого сопровождал отец Илоны.

Эржебет поднялась с кресла навстречу братьям, которые так спешили сообщить об итоге заседания, что даже не стряхнули снег с сапог.

– Итак, – выжидательно произнесла тётя, хотя по лицам вошедших уже видела, что всё закончилось хорошо.

Дядя Михай улыбнулся в усы и церемонно поклонился:

– Почтительно склоняюсь перед матерью Его Величества Матьяша Первого, нашего нового короля.

Примеру Михая последовал и отец Илоны, после чего Эржебет оглянулась на своих родственников; Илона с матерью тоже присели в поклоне.

– А теперь поприветствуй и ты меня, сестра, – продолжал Михай. – Я – регент при нашем новом короле⁸. Как же всё удачно сложилось, а!

– Да, всё сложилось на редкость удачно, – ответила Эржебет. Она церемонно поклонилась в ответ, но вдруг посмотрела на брата как-то странно, будто увидела в нём нечто опасное.

⁸ 24 января 1458 года Государственное собрание избрало Матьяша королём, а Михая – регентом при Матьяше на пять лет.

Это казалось тем более странно, поскольку Михай с самого начала хотел добиваться для себя регентства. Почему же тётя переменялась именно теперь? Правда, в тот вечер никто не придавал этому взгляду никакого значения, потому что Эржебет оглянулась на племянницу и спрятала свою настороженность за непринуждённой улыбкой:

– Ты понимаешь, моя милая, что всё это означает для нас? Завтра мы переселяемся во дворец! Мы все станем жить там и готовиться к приезду нового короля, моего Матьяша.

* * *

Майское солнце светило всё так же ослепительно, когда колымага, в которой сидели молодая вдова и служанка, проехала по грязным, ничем не мощёным улицам Нижней Буды и остановилась перед воротами, которые защищали въезд во дворец, а точнее – в королевский замок.

Разумеется, в замке экипаж уже ждали, ведь Илона отправила вперёд себя слугу, чтобы предупредил, поэтому створки ворот открылись почти сразу, и колымага оказалась в некоем подобии огромного каменного желоба – справа и слева теперь возвышались каменные стены, а дорога стала мощёной.

По этому желобу начался подъём. Вот остались позади следующие, вторые, ворота, а затем – грозная сторожевая башня с третьими воротами. Экипаж, скрипя и покачиваясь, круто свернул направо и опять пополз вверх по новому отрезку каменного желоба, миновал четвёртые ворота, пятые, когда наконец в щели меж красных парчовых занавесок, закрывавших окна, показались плиты, выстилавшие внутренний двор королевского жилища.

Выйдя из экипажа, Илона оказалась на нижних ступенях каменного крыльца, покрытых пёстрым ковром, а наверху крыльца уже ждала тётя Эржебет, окружённая множеством придворных дам.

Гостья почувствовала на себе десятки внимательных взглядов, оценивающих, как она одета, и ей вспомнились слова служанки, оставшейся в колымаге: «Ох, госпожа. Думаю, все сразу поймут, что мы из деревни. Как на нас посмотрят?»

Илона мысленно отмахнулась от этих слов и с подобающим достоинством стала медленно подниматься по ступеням навстречу тёте. «Жить в деревне не стыдно. И скромно одеваться не стыдно», – повторяла про себя двоюродная сестра Его Величества.

Дойдя до самого верха и остановившись перед матерью Его Величества, она почтительно склонилась и замерла, а через мгновение почувствовала, как сухая рука тёти взяла её за подбородок.

– Подними голову, дай на тебя посмотреть, моя девочка, – ласково произнесла Эржебет, и в её голосе чувствовалась улыбка: – За те пять лет, что мы не виделись, ты совсем не изменилась.

Взглянув на тётю, Илона отметила про себя, что та тоже не изменилась. Матушка Его Величества достигла преклонного возраста, когда люди уже не меняются – они состарились, а стареть дальше им просто некуда.

Семнадцать лет назад, когда Илона встретила с тётей впервые, госпоже Эржебет было около сорока пяти. Пять лет назад, когда овдовевшая Илона, прожив много лет в Липто, вернулась в столицу, тётин возраст уже приближался к шестидесяти, а сейчас эта пожилая дама разменивала седьмой десяток. Куда уж тут меняться?

– Вы тоже не изменились, тётушка, – произнесла племянница, а Эржебет церемонно расцеловала её в обе щеки и повела в свои покои:

– Мой сын сейчас на севере, в Моравии, но мы ожидаем его приезда в ближайшее время. Матьяш будет очень рад увидеть тебя, моя девочка, поэтому я никуда не отпущу тебя до тех пор, пока вы не увидите.

– Если вы так желаете, тётушка, – слабо улыбнулась Илона.

– Да, таково моё желание, – твёрдо произнесла Эржебет без всякой улыбки.

VI

Королевский замок в Буде – самый большой во всём королевстве. Он занимал треть всего пространства на холме, где располагался Верхний город. Да и сам этот замок казался городом в городе с собственными жителями.

Двенадцатилетняя Илона, впервые попав туда, очень удивилась, когда обнаружила, что королевское жилище – это не только залы, комнаты, коридоры, лестницы и дворики. В королевском жилище всегда жили люди – жили даже тогда, когда там не было короля. Этими людьми являлись дворцовые слуги, которые служили здесь целыми семьями, а иногда относились уже ко второму или третьему поколению тех, кто занимался во дворце определёнными делами вроде готовки или уборки. Даже если этим людям задерживали жалованье за очень долгое время, почти все они оставались во дворце и продолжали работать, потому что просто не знали, куда податься.

Илона помнила тот январский день, когда вся семья Силадьи впервые вступила во дворец на правах хозяев. Их встретила целая толпа слуг, и самые главные в этой толпе сразу обратились к дяде Михаю с жалобой, что жалованье вот уже почти год как задерживается.

На то же сетовали дворцовые служанки тёте Эржебет, когда она вместе с матерью Илоны и самой Илоной осматривала комнаты на женской половине.

– Я позабочусь о вас, – милостиво отвечала Эржебет, а старшая служанка, которая говорила от имени всех остальных, чуть ли не со слезами поцеловала руку своей новой благодетельницы.

Впрочем, позаботиться о дворцовых слугах было несложно, ведь после того, как прежний король убежал из Венгрии, дела в королевстве не остановились. К примеру, налоги по осени были собраны, так что в казне скопилась довольно внушительная сумма – около двухсот пятидесяти тысяч золотых.

Конечно, сбежавший король и его приближённые помнили об этих деньгах и даже прислали в венгерскую столицу распоряжение привезти некоторую сумму в Прагу, но ничего не получили. Те венгерские вельможи, которые не последовали за своим королём, а остались в Буде, только усмехнулись: «Отправить столько денег в Богемию? Ещё чего! Держите карман шире!»

Неслучайно заседание Государственного собрания, на котором избирался новый король, длилось так долго! Решалась не столько судьба королевства, сколько судьба денег. Баронам и другой знати казалось не так уж важно, кто сядет на трон, если король несовершеннолетний. Матьяш, которому было всего четырнадцать, всё равно не мог заниматься государственными делами. Другое дело – регент. Вот почему из-за этой должности разгорелся нешуточный спор.

Дяде Илоны оказалось гораздо труднее стать регентом, чем Матьяшу стать королём, но, к счастью для семьи Силадьи, это удалось. И пусть Михай, получив возможность запускать руку в королевскую казну, не имел права просто переложить эти деньги к себе в кошелёк, стало возможно сделать много полезного. Надо ли говорить, что слуги в королевских резиденциях и гарнизоны в королевских крепостях весьма обрадовались, что им начали выплачивать жалованье. Теперь королевская казна осталась должна им не за год, а за полгода, но люди всё равно были счастливы и благодарили.

Также Государственное собрание одобрило расходы на торжественную встречу нового короля и на свадьбу королевской родственницы. Двоюродная сестра Его Величества – не принцесса, но почти, поэтому должна выходить замуж со всей подобающей пышностью, поскольку эта пышность нужна для поддержания чести венгерской короны. Пусть никто не говорит, что Венгерское королевство нищее!

Сама Илона считала это вовсе не обязательным, но Эржебет не уставала повторять ей:

– Мы отпразднуем твою свадьбу здесь, во дворце. Девочка моя, у тебя будет такая свадьба, которой не было ещё ни у кого в нашем роду. Самая богатая свадьба в королевстве. Все увидят, что двоюродная сестра короля выходит замуж так, как подобает при её высоком положении. Все станут тебе завидовать.

Свадьба и впрямь запомнилась, а Илона, через много лет снова оказавшись при дворе, смогла в этом убедиться, когда тётя, встретив племянницу на крыльце и кратко расспросив о здоровье, передала её пожилой даме из своей свиты.

Придворная дама должна была проводить гостью в заранее приготовленные покои и ещё раз проверить, есть ли там всё необходимое. Обе женщины шли почти молча, и поэтому Илона, следуя за своей провожатой через залы и коридоры, вдруг заметила, что та как-то странно поглядывает.

– Что-нибудь случилось? – удивилась Илона.

– Простите меня, – смутилась провожатая, – но я никак не могу поверить, что вы – та маленькая госпожа, чья свадьба праздновалась здесь семнадцать лет назад. Как же летит время! Я помню вас ещё совсем девочкой.

– Да, я та самая девочка, – спокойно ответила Илона. – А вы помните, как я приезжала сюда пять лет назад? Я тоже навещала тётю, но останавливалась не во дворце, а в городе, в доме моих родителей.

Придворная дама смутилась ещё больше:

– Увы, я этого не помню. Возможно, меня не было во дворце в те дни. Но вот вашу свадьбу я помню очень хорошо.

Провожатая, конечно, знала о том, что Илона – вдова. Придворная дама потому и смутилась, что своими разговорами о прошлом могла расстроить гостью, а гостья меж тем насто-рожилась, вдруг подумав, что может оказаться поселенной в той же комнате, которая была её спальней семнадцать лет назад. Возвращаться в ту часть прошлого Илоне не хотелось, ведь прежняя спальня напоминала бы не только о Вацлаве, но и о том, что не всегда можно выйти замуж за того, за кого хочешь, и что долг перед семьёй превышает личных склонностей. Что значит мальчик, подаривший тебе бабочку, по сравнению с благополучием твоей семьи и судьбой всего королевства!

Семнадцать лет назад эти мысли лежали на плечах Илоны тяжким грузом, поэтому теперь она обрадовалась, когда увидела, что тётя отвела ей другие покои. Увы, они тоже смотрели окнами в главный внутренний двор, поэтому гостье, выглянувшей в окно, на мгновение показалось, что яркие солнечные зайчики от яркого майского солнца на плитах очень похожи на островки снега, который она видела когда-то.

* * *

Йерне, разумеется, не сопровождала свою госпожу во время встречи с матерью Его Величества. Служанку вместе с вещами сразу же отправили в покои, приготовленные для высоко-родной гостьи, а теперь Йерне деловито разбирала сундуки и распаковывала узлы.

Увидев Илону в сопровождении придворной дамы, служанка поклонилась и терпеливо подождала, пока дама удалится, а когда в комнате уже не осталось никого лишнего, Йерне снова стала самой собой, то есть заговорила с молодой хозяйкой почти на равных:

– Госпожа, ну как? Я думала, вы ещё нескоро придёте.

– Тётя отпустила меня почти сразу, чтобы я могла отдохнуть и переодеться после долгой дороги, – ответила Илона, присаживаясь в резное кресло возле окна.

Она и впрямь чувствовала себя утомлённой и даже сонной, однако служанка своим возгласом невольно заставила её стать бодрой:

– Переодеться?! – Йерне всплеснула руками. – Госпожа, я так и знала! Так и знала, что вы одеты не так, как следовало бы. Вот и тётушка ваша об этом сказала.

– Она говорила совсем не о том, – возразила Илона, но служанка уже начала рыться в одном из сундуков в поисках подходящего наряда и между делом пояснила:

– Я уже посмотрела мельком, как тут и что. Повезло нам с вами, ведь всё на круги своя возвращается. Вот в прошлом и позапрошлом годах, наверное, всё другое было, а теперь они к старому вернулись. Что пять лет назад носили – почти то же и сейчас носят. Я вам, госпожа, сейчас найду платье побогаче, и тогда ваша тётушка будет довольна. Помню, вот было у нас голубое. Оно очень вам идёт.

Неугомонная служанка уже добралась почти до самого дна сундука, как вдруг на её лице появилось озадаченное выражение:

– Ой, а это что? – Она вынула из сундука два небольших продолговатых свёртка белого полотна.

– Это я спрятала. Пусть там и лежит. Главное, чтобы не потерялось, – ответила Илона.

Служанка, задумчиво положила на угол сундука один из свёртков, а другой аккуратно развернула с одного конца. Под холстиной показались растрёпанные выующиеся волосы тёмного цвета, а затем – покатый лоб, покрытый потрескавшейся розовой краской, нарисованные чёрные брови и вздёрнутый носик с облупившимся кончиком.

– Госпожа, да это же ваша детская кукла! – удивлённо воскликнула Йерне. – Зачем она здесь?

– Я не смогла её оставить дома, – смущённо ответила Илона. – Знаю, что это глупость, но я не смогла.

– А в другом свёртке? – продолжала удивляться служанка. – Там другая кукла? Кукла госпожи Маргит?

– Да, – ответила Илона. – Просто положи их туда, где взяла, и всё. Ты же знаешь, что я не собираюсь играть в них, но они дороги мне. Я не хочу, чтобы они случайно пропали, поэтому мне показалось надёжнее взять их с собой.

Увидев, что служанка по-прежнему застыла в недоумении, госпожа поднялась с кресла и взяла у неё полураскрытый свёрток. Поправив кукле волосы, Илона снова аккуратно завернула края холстины и повторила:

– На, положи обратно.

Если бы она так не дорожила куклами, те давно бы потерялись, ведь ещё семнадцать лет назад, когда состоялась первая поездка в Буду, мать сказала:

– Оставь их. Они тебе уже не понадобятся. Теперь ты взрослая, скоро выйдешь замуж, у тебя появятся дети, и тебе станет не до кукол.

Двенадцатилетняя Илона понимала, что мать права, но бросать кукол не хотелось. Они казались почти живыми, когда неотрывно смотрели на свою хозяйку и будто ждали её решения.

– Подари их кому-нибудь, – посоветовала мать. – Среди твоих подруг наверняка найдутся девочки, которые с радостью возьмут это. Будет даже лучше подарить, потому что брать кукол с собой незачем и оставлять в замке тоже незачем. Сюда ты уже не вернёшься. После свадьбы ты поедешь на север, в Липто.

Подарить казалось правильным и в то же время неправильным – всё равно что подарить кому-то своих собственных детей! Пусть двенадцатилетняя Илона не знала, как ощущается материнство, но куклы для неё уже давно стали не просто игрушками. Одна из кукол была как любимая дочка, а другая кукла, оставленная старшей сестрой, стала будто падчерицей, которую двенадцатилетняя «мачеха» жалела и тоже любила. Вот почему маленькая Илона так никому их и не подарила, а завернула в холстину и втайне ото всех запрятала на дно сундука со своими вещами.

Конечно, по приезде в Буду обеих тайных путешественниц нашла Йерне, но Илона упростила её ничего не говорить матери.

Позднее, уже в Словакии, обе куклы нашли своё постоянное пристанище в большой корзине с рукоделием. Хозяйка время от времени извлекала их со дна корзины, поправляла им платья, а затем со вздохом заворачивала обратно в полотно и убирала.

Когда хозяйка овдовела, эти куклы поехали с ней из Словакии в Буду, из Буда – в Эрдели, а теперь всё, казалось, пошло на новый круг – они снова, как и семнадцать лет назад, совершили тайное путешествие в венгерскую столицу. Именно поэтому Йерне удивилась, а Илона смутилась, как когда-то в двенадцать лет, когда служанка впервые обнаружила спрятанных кукол в вещах своей госпожи.

* * *

Наверное, нет ничего стыдного в том, чтобы хранить свои детские игрушки, но Илоне было стыдно. Иногда у неё возникало подозрение, что нежелание расставаться с ними – простая жадность. Странно казалось одно – почему эта жадность проявляется только в отношении того, что напоминает о детях?

К примеру, казалось невозможно пройти мимо, если видишь, как на городской или деревенской ярмарке продают детские башмачки. Хотелось все их посмотреть, потрогать и непременно что-то купить, то есть купить ненужную вещь, которая и в будущем почти наверняка не пригодится.

А ещё из памяти не выходил один случай, произошедший уже после того, как Илона овдовела. Тогда тоже проявилась жадность, но уже не в отношении вещей, а в отношении настоящего ребёнка. Странная, почти всепоглощающая жадность!

Это случилось, когда Илоне пришлось покинуть Липто и некоторое время пожить в Буда, и вот в один из воскресных весенних дней она возвращалась из собора Божьей Матери, где присутствовала на мессе. На площади перед церковью было, как всегда, много народа. Прохожие сновали туда-сюда, поэтому среди этой суеты сразу обращал на себя внимание маленький мальчик лет четырёх – бедновато одетый, но совсем не цыганёнок – который стоял один и озирался по сторонам.

Илона подошла, присела напротив него на корточки и спросила:

– Где твоя мама?

Мальчик не ответил, а лишь смотрел на неё очень внимательно.

– Как тебя зовут? – спросила Илона, но мальчик опять не ответил. Наверное, боялся.

Чтобы расшевелить его, она улыбнулась и предложила:

– Хочешь, я куплю тебе сладкий пирожок? Если хочешь, то просто кивни. – Но мальчик вдруг захныкал, подошёл к ней и обнял за шею.

Илона тоже обняла его, взяла на руки, и в те мгновения, когда она стояла возле собора Божьей Матери и держала ребёнка, казалось, что исполнилась её молитва о том, чтобы Бог «послал дар». «Неужели этот ребёнок мой? Неужели мой?» – спрашивала себя Илона, чувствуя, как маленькие пальчики неосознанно теребят воротник её накидки, подбитой мехом. Она сильнее прижала к себе ребёнка и ощутила, как бьётся маленькое сердце.

Казалось, что все печали и утраты остались в прошлом. «Ты потеряла Вацлава, но нашла этого мальчика», – подумала Илона, но тут послышался голос какой-то женщины:

– Благодарю, госпожа. Благодарю, что нашли его.

Илона обернулась и увидела молодую горожанку, весьма опрятную, которая держала за руку маленькую девочку – очевидно, свою дочь.

– Он убежал, – продолжала женщина взволнованным голосом. – Я звала его, а он не откликался, и я не могла найти его в толпе. Благодарю. Вы очень хорошо сделали, что подняли его на руки. Я сразу его увидела.

Женщина подошла ближе, чтобы взять ребёнка, а ребёнок потянулся к ней и произнёс:

– Мама!

Илона испытала неизвестное ей доселе чувство. Получалось, что она сделала доброе дело, но это принесло не радость, а разочарование и досаду. Ребёнка не хотелось отдавать. Хотелось оставить себе, несмотря на то, что он явно стремился вернуться к матери, чуть ли не вырывался из рук, а ведь ещё несколько мгновений назад так крепко обнимал незнакомую ему женщину.

«Так же несправедливо! Я нашла его. Он мой». – Илона еле сдержалась, чтобы не произнести этого вслух и еле заставила себя разжать руки. Она вдруг почувствовала себя очень жадной, готовой забрать то, что ей не принадлежит. Это было так на неё не похоже, и потому показалось очень стыдно!

«Хочешь детей – выходи замуж», – подсказывал разум, и в те дни Илона не раз задумывалась, почему бы ни выйти за вдовца, у которого уже есть дети, и воспитывать их... Но ведь следовало помнить о Вацлаве!

Ребёнок, найденный на улице, не помешал бы Илоне продолжать хранить верность покойному мужу, а если бы она снова вышла замуж и воспитывала чужих детей, то могла бы незаметно для себя привязаться к их отцу, если б он оказался хорошим, добрым человеком.

Любой священник сказал бы, что в этом нет ничего предосудительного и что это даже правильно, но Илона держалась иного мнения. «Если я забуду Вашека, то уже не увижусь с ним на небесах. А ведь он ждёт меня и очень огорчится, если я не проявлю достаточно стойкости и терпения», – так она говорила себе, а затем обращалась с отчаянной молитвой к Богу: «Господь, я совсем запуталась. Я уже не знаю, о чём Тебя просить, но подари мне хоть немного счастья!»

Часть II. Кузен Матъяш

I

На следующий день после приезда в столицу Илоне следовало навестить отца, но этот визит, как и вся поездка, казался тягостным, будто визит к чужому человеку.

Отец жил неподалёку от королевского дворца, в доме, когда-то принадлежавшем Михаю Силады, но Михай ведь погиб много лет назад, поэтому столичное жилище вместе с имениями в Эрдели и местом в королевском совете перешло к младшему из двух братьев.

Конечно, отец радовался своему возвышению, о котором не мог и мечтать, но оказалось ли оно к лучшему? Он постепенно изменился и начал так ценить своё положение, что уже не мыслил себя отдельно от него. В прежние времена Ошват мог назвать себя добропорядочным семьянином, заядлым охотником, умелым воином, рачительным хозяином в своих десяти деревеньках, а теперь всем своим поведением говорил: «Без наследства, которое оставил мне старший брат, я никто». А ещё он стал часто задумываться о том, что «закончит как Михай», то есть умрёт, не продолжив рода, потому что в таком деле важны только сыновья, а дочери не в счёт.

Возможно, перемена в характере и стала причиной того, что родители Илоны мало-помалу отдалились друг от друга, то есть теперь жили раздельно, хоть и переписывались по делам. Пока отец являлся всего лишь младшим братом всесильного Михая и обладателем весьма скромных имений, он не слишком печалился из-за того, что остался без наследника. Единственный сын, который родился в браке, Ференц, умер вскоре после рождения.

Насколько помнила Илона, её брата Ференца едва успели окрестить, но отец, глядя на маленькую надгробную плиту в часовне своего маленького замка, не очень печалился. Зачем сыну влачить полубедное существование в глухом углу Эрдели? А вот теперь, когда к родителю неожиданно пришли богатство и власть, наверное, стало очень досадно, что некому всё это оставить.

Вдобавок к этому мать Илоны постарела быстрее, чем отец. Агота, урождённая Сери-Поша, уже вышла из того возраста, когда женщина способна забеременеть, а её супруг ещё не растратил всех сил. Он не потерял вкуса к жизни и даже не терял надежду оставить после себя сына – пусть незаконного, но всё-таки наследника, которому можно завещать кое-что, если похлопотать перед королём.

В итоге родители Илоны почли за лучшее разъехаться, не поднимая шума и не давая особого повода для сплетен. Точно так же поступали во многих благородных семьях. А если бы родители Илоны, прожив более тридцати лет в браке, проявляли друг к другу такую же сердечную привязанность, как в первые годы, это показалось бы даже странным. Главная цель брака – рождение детей, а если это уже не возможно, то и чувства должны угаснуть, потому что они уже ни к чему.

Для Илоны всё это казалось довольно грустным, поскольку означало, что время проходит и что она уже не та «отцова доченька», которой всегда рады. Конечно, отец выказал радость при новой встрече, но дочь, вступая под сень отцовского дома, не могла не думать о том, что стала помехой, ведь где-то в дальних комнатах сидела женщина, которую мать Илоны называла не иначе как «эта шлюха».

Илона знала, что «шлюха» лет на пятнадцать младше матери, да и не шлюха вовсе, а миловидная вдова, которая вела в отцовском доме хозяйство и исполняла ещё одну обязанность, весьма деликатного свойства.

Илона знала, что эта домоправительница не выйдет из дальних комнат, не покажется гостю, и отец ни разу не упомянет об этой женщине, но отцова вежливость не избавляла от мысли: «Это не твой дом».

– Ну? Как тебя приняла тётя? – меж тем расспрашивал отец, ведя свою дочь в столовую, где уже был накрыт обед на двоих. – Она довольна?

– Да, отец. Тётя сказала, что очень рада меня видеть и что Матьяш тоже будет рад.

– Король будет рад тебя видеть? – переспросил отец и улыбнулся. – Что ж. Это хорошо. А обо мне тётя упоминала?

– Нет, отец, – ответила Илона.

Ошват Силадьи призадумался, а затем произнёс:

– Что ж. Тоже неплохо. Пусть уж лучше молчит, чем рассуждает о том, что во мне не так.

Илона промолчала, а отец продолжал:

– Навещай меня почаще, дочка. Навещай и рассказывай, о чём с тобой говорит моя сестра. А ещё лучше – заведи-ка с ней сама разговор обо мне. Невзначай заведи. Посмотрим, что она скажет.

– Хорошо, отец. Я это сделаю.

Во время обеда он продолжал расспрашивать дочь, а Илона отвечала, в то время как пища на её тарелке оставалась почти не тронутой. Как это часто случалось, Илона не чувствовала вкуса еды. Просто понимала, что сейчас нужно обедать, и ела, а по окончании трапезы не чувствовала ни сытости, ни голода и думала только о том, что при встрече с сестрой есть не придётся.

* * *

Когда Илона известила старшую сестру о своём приезде, то получила ответ, которому весьма обрадовалась. Маргит передала, что придёт к младшей сестре сама, потому что это «удобнее», а значит, Илона могла не наряжаться и не думать о том, кто и как на неё посмотрит в гостях.

Вероятно, Маргит заботилась не об удобстве сестры, а просто придумала для себя повод лишний раз побывать во дворце, ведь если б старшая сестра могла, то, наверное, поменялась бы с младшей местами: старшая из сестёр Силадьи нарочно искала того внимания у тёти, которым младшая тяготилась.

Так уж вышло, что Маргит никогда не удостоивалась больших милостей от всемогущей Эржебет, лишь изредка получая приглашения сопровождать её во время церемоний, увеселений или поездок. Впрочем, старшая сестра была неглупа, поэтому понимала причины – она в своё время не сумела оказаться полезной, а тётя благоволила только полезным людям – и всё же Илона иногда слышала от Маргит досадливые признания:

– Ах, сестричка, как же тебе тогда повезло! Ты помогла Матьяшу взойти на трон. А ведь на твоём месте оказалась бы я, если б отец не выдал меня замуж так рано.

Если бы! Но это «если» вряд ли могло случиться, ведь отец Илоны в то время жил небогато. В небогатых семьях отцы всегда стремятся выдать дочерей замуж как можно раньше. Лишь завидные невесты с хорошим приданым ждут до шестнадцати или даже семнадцати лет, да и то не всегда, так что Маргит была просто обречена выйти замуж рано. И всё же она завидовала.

Иногда казалось, что старшая завидует даже вдовству своей младшей сестры, ведь Маргит за девятнадцать лет брака успела порядком устать от своего мужа и, если б могла развестись, непременно бы развелась. А ещё она не раз отмечала, что Илона выглядит моложе своего возраста и тем самым заставляет многих думать, что Маргит старше её не на два года, а на целых четыре или даже пять лет.

Деревенский воздух, тихая жизнь и простая пища не способствуют старению, так что Илона в самом деле выглядела молодо, хоть и не мечтала о сохранении свежести, как придворные дамы, которые жили в городе, отплясывали на балах до глубокой ночи и ели лакомства, вредные для зубов и фигуры.

Конечно, дамы знали, что сами приближают свою старость, но это всё равно казалось грустной шуткой мироздания. Получалось, что долгая молодость всегда будет доставаться тем, кому она не нужна.

Кого же в деревне удивишь свежестью лица! Всем известно, что если жить за городом, но не торчать в поле, а прятаться от жгучих лучей солнца, то кожа останется белой и мягкой, да и руки не огрубеют... Но кто будет любоваться тобой в глуши! Молодость нужна, чтобы блистать на светских праздниках. Так почему бы ни блеснуть, пока есть чем похвастаться?

Увы, младшая из сестёр Силады в отличие от старшей не умела блистать и не хотела учиться. Илона упрямо отмахиваясь от совета о том, что надо радоваться жизни, но в очередной раз получила этот совет после того, как Маргит вихрем влетела в её покои и торопливо поцеловала в обе щеки.

Илона только-только уселась на скамеечку возле окна, а старшая сестра уже оценила обстановку: изящный туалетный столик с венецианским зеркалом в кованой раме, резные кресла, красный бархат кроватного полога, гобелены на стенах. Маргит обратила внимание и на оконные витражи, и даже на приоткрытую дверцу в соседнюю комнатку, где хранились вещи, и где находилась постель служанки.

Конечно, Эржебет поселила Илону в очень удобных, богатых апартаментах, и это бросалось в глаза, так что Маргит прямо сказала:

– Сестричка, я вижу, ты по-прежнему в милости у нашей всемогущей тётушки. А ещё ты всё так же молода и не замужем за дураком. Что же ты такая кислая! Да я бы на твоём месте прыгала и плясала от счастья!

– Живой дурак лучше, чем покойный, – ответила Илона, сразу погрузнев, и добавила: – Благодарю Бога, что твой муж жив и здоров.

– Жив и здоров? – переспросила Маргит и закатила глаза. – Да лучше б у него язык отсох! А заодно пусть правая рука отсохнет тоже! Вчера обозвал меня бесстыжей бабой и влепил мне оплеуху, а ведь я ничего особенного не сказала. А знаешь, почему я предпочла прийти к тебе сюда, а не принимать тебя в моём доме? Потому что при муже я не могу ничего сказать по правде. Всё изворачиваюсь, чтобы опять не начал мне выговаривать. Одно хорошо – запереть меня дома он не сможет. Я всё-таки двоюродная сестра короля, хоть и не в такой милости, как ты. Я должна появляться при дворе, и на королевскую свадьбу я пойду, что бы ни случилось!

– Свадьбу нашего кузена с Беатрикс из Неаполя? – отозвалась Илона, хоть и не очень желала слушать придворные новости.

– Да, о помолвке официально объявят, когда Матяш вернётся во дворец, – улыбнулась старшая сестра, явно довольная, что всё же посвящена в придворные тайны. – Я не рассказала тебе об этом в последнем письме, потому что сама услышала недавно: несколько дней назад, когда ты была уже в дороге.

– Значит, всё уже совсем-совсем решилось? – задумчиво спросила Илона, а затем вздохнула. Пусть она не имела ничего против этой свадьбы, но не хотела становиться гостьей на ней, а ведь от присутствия на шумном празднике не удалось бы уклониться. Опять суэта эта вечная!

– Знаешь, сестрёнка. – Маргит хитро сощурилась и присела в кресло напротив. – Мне кажется, что и твоя судьба решилась тоже.

– Что значит «решилась»? – не поняла младшая сестра.

– Я думаю, тебя собрались выдать замуж.

– Что? – всполошилась Илона. – Отец нашёл мне жениха? Я была у отца вчера и ничего не слышала об этом.

– Не отец, а наша тётя, – пояснила Маргит. – Я уверена, что она тебе кого-то нашла. Стала бы тётя приглашать тебя ко двору просто так.

– Тётя пригласила меня потому, что таким образом хочет выказать благоволение нашему отцу, – твёрдо произнесла Илона, повторяя слова матери.

– С чего ты взяла? – усмехнулась старшая сестра. – Уж мне ли не знать, что тётя никогда не поменяет мнения о нашем отце! Она как думала, так и продолжает думать, что он занял своё место незаслуженно. Тётя, как и многие при дворе, полагает, что отцу просто улыбнулась удача. Если бы дядя Михай не умер и если бы не был бездетным, наш отец никогда не сделался бы так богат и не возвысился бы. А отец возомнил себя вельможей!

– Возомнил?

– Да, – уверенно продолжала старшая сестра. – И даже Матьяш отчасти согласен с нашей тётей. А если отец хочет, чтобы тётя и Матьяш не хмурились, то пусть не настаивает на новой войне с турками. Отцу уже не раз давали понять, что он лезет не в своё дело. Нечего говорить Матьяшу о крестовом походе только потому, что об этом в своё время твердил дядя Михай. Все, конечно, чтят память нашего дяди, но новый Михай никому не нужен. Ни нашей тёте, ни нашему венценосному кузену. Это же ясно, как день, и только наш отец не хочет этого заметить и удивляется косым взглядам. Я бы ещё поняла, если бы он сам хотел оплатить военные расходы, но отец этого не хочет, а вместе с Матьяшем надеется, что денег даст кто-то другой, например итальянцы.

– А без итальянских денег идти в поход нельзя?

– Кто-то должен дать денег, – последовал ответ. – Матьяш не может воевать с турками, тратя лишь свои деньги. Крестовый поход – это очень и очень дорого. Так что пусть наш отец или раскошелится, или замолчит, если не хочет косых взглядов.

– А ты говорила ему об этом? – спросила Илона.

– Нет, и не буду, если меня не спрашивают, – нарочито спокойно произнесла Маргит, пожав плечами. – Когда-то я пыталась намекнуть об этом матери, чтобы она повлияла на него, но мать не стала меня слушать... А теперь, ты ведь знаешь, она уже не имеет на отца никакого влияния.

– А если я попробую объяснить отцу, почему тётя недовольна? – осторожно спросила Илона, но в ответ услышала:

– Ах, сестрёнка! Как же ты наивна! Это продолжается уже не первый год, а ты думаешь, что раз приехала, то за один день всё решишь?

– Значит, мне не удастся помирить отца и тётю? – огорчилась Илона. – Значит, я приехала напрасно?

– Если я права в моей догадке, то не напрасно. – Старшая сестра выразительно покачала головой.

– В догадке по поводу того, что тётя нашла мне жениха? – Младшая сестра только отмахнулась. – Маргит, ты неправа.

– А зачем тогда тебя пригласили в столицу? Зачем? – не унималась Маргит.

– Если ты права, то кто же мой жених? – возражала Илона. – Почему тётя до сих пор не обмолвилась об этом даже полусловом? Она ни разу не спрашивала, собираюсь ли я снова замуж.

– Здесь что-то кроется, – уверенно заявила старшая сестра. – Вот подожди – и увидишь.

– Подождать я, конечно, могу, – безразлично ответила Илона, – ведь я здесь надолго. Тётя сказала, что не отпустит меня, пока я не увижусь с нашим кузеном, а когда Матьяш приедет, точно неизвестно.

– Не отпустит, пока не увидишься? – Маргит наострила уши. – А что ещё сказала тётя по поводу твоего отъезда?

– Больше ничего.

– Так значит, это не тётина затея, а Матьяша! – продолжала рассуждать старшая сестра. – Кузен приедет и скажет тебе, кто твой жених. Судя по всему, твой жених сейчас в королевской свите, а сам Матьяш сейчас в Моравии. Поэтому тебе ничего и не говорят.

– Нет, Маргит. Этого просто не может быть. Не может быть, – упёрлась Илона, а сестра повторила:

– Подожди – и увидишь.

Младшая сестра не знала, что ещё возразить, поэтому замолчала, и в комнате на несколько мгновений повисла неловкая тишина.

– А знаешь, что у нашего кузена новая любовница? – произнесла Маргит, чтобы поддержать разговор. – Не помню, сообщала ли я тебе об этом в недавнем письме. Так вот она очень молоденькая и хорошенькая. Знаешь, кто такая? Одна из тех юных особ, которых наша тётя всё время держит подле себя. Имей в виду то, что я сказала, и не смотри с осуждением, если эти юные дурочки скажут глупость, а ведь такое с ними частенько случается.

Илоне совсем не хотелось слушать рассказ о королевской любовнице, но делать было нечего: «Если не нравится, о чём хочет говорить Маргит, предложи тему сама», – повторяла себе младшая сестра, но ничего не приходило в голову.

* * *

– Когда приедет Матьяш... – Эти слова всё чаще встречались в тётиных речах с тех пор, как Илона приехала к ней во дворец погостить, и точно такие же разговоры тётушка вела семнадцать лет назад, когда готовилась встречать Матьяша, который должен был вернуться из богемского плена.

Семнадцать лет назад, в те далёкие дни Илоне всё время рассказывали, что случится, когда Матьяш приедет, а сейчас хранили странное молчание. Ах, если бы всё было так же понятно, как семнадцать лет назад зимой!

Помнится, в то время тётя вечно держала младшую племянницу подле себя, поэтому Илона обошла все комнаты во дворце не один раз, а особенно часто приходилось бывать в большом зале с толстыми колоннами, выстроившимися в ряд и делившими помещение пополам, а заодно поддерживавшими высокие стрельчатые своды. Этот зал убирали особенно тщательно и, несмотря на зимнее время, мыли в нём окна-витражи.

– Вот сюда войдёт мой Матьяш, он проследует через зал и сядет на трон, – повторяла Эржебет, указывая на огромные двустворчатые двери, а затем – на тронное кресло, стоявшее на возвышении со ступеньками в другом конце зала и издалика казавшееся маленьким.

– Там Матьяш объявит, что хочет через тебя породниться с Понграцами, а затем мы за один раз отпразднуем и приезд моего сына, и твою помолвку, – добавляла тётя.

После этого она отправлялась следить, как в другом, почти таком же большом зале моют пол, а затем расставляют столы, кресла и скамьи для будущего пира. Затем тётя шла в жилые покои, желая удостовериться, что все перины, шторы и ковры будут выбиты, пыль – протёрта, обрывки паутины – удалены, а в кладовых смотрела, чтобы всего было в достатке. Сколько лестниц и коридоров исходила Эржебет – не сосчитать! А вместе с ней – и Илона.

Девочке, которая всю жизнь прожила в деревне и привыкла много ходить, это не казалось тяжело, но вот тётя то и дело опускалась в близстоящее кресло или на деревянную пристенную лавку:

– Уф, как же я закрутилась с этими хлопотами. Ноги не держат, – говорила пожилая Эржебет, но по всему было видно, что хлопотам она рада.

А затем морозным февральским днём приехал Матьяш. В то время кузен был четырнадцатилетним мальчиком, с вьющимися тёмно-русыми волосами до плеч. Он ещё не оставил детскую привычку дуть губы, если что-то не нравилось, но уже старался вести себя как важный и серьёзный человек.

В присутствии самых знатных людей королевства этот юный монарх вошёл в тронный зал, проследовал по коврам и уселся на трон, издав издали казавшийся маленьким⁹.

Далее Матьяшем была произнесена речь, в которой он благодарил «благородных мужей», помогших «восстановить справедливость», то есть помогших ему прийти к власти, а затем король объявил, что семейство липтовских Понграцев он желает «почтить особо», включив в круг королевских родственников.

Так состоялось объявление о помолвке, а затем Илону, смущённую и даже немного напуганную, повёл к трону дядя Михай. И в эту же самую минуту с противоположной стороны к трону приблизился какой-то вельможа вместе со светло-русым юношей, которому на вид было лет шестнадцать. Юношу звали Вацлав.

Все поклонились королю, а затем Матьяш спустился с трона, собственноручно вложил ладонь невесты в ладонь жениха и сказал, что свадьба состоится через два месяца, в ближайший подходящий день после Пасхи, а все присутствующие приглашены.

И вот теперь, спустя семнадцать лет, Илоне, которая снова находилась во дворце, казалось, что всё повторяется. Она тревожилась, помня о словах старшей сестры насчёт жениха, ведь нынешняя жизнь в гостях у тёти действительно напоминала те давние дни, предшествовавшие помолвке.

Пусть Эржебет уже не бегала по дворцу, готовясь к приезду сына, и сама не хлопотала – теперь этим занимался особый человек, – но мать Его Величества ждала своего Матьяша и явно что-то задумала.

Сидя в окружении нескольких придворных дам, которые занимались рукоделием, Эржебет смотрела на племянницу так же ласково, как когда-то, называла «моя девочка», расспрашивала о годах, проведённых в Эрдели, и удовлетворённо улыбалась, когда слышала, что «всё по-прежнему».

II

Ах, Вашек! Илона поначалу и не думала, что полюбит его, но он сразу ей понравился, ведь ещё в день знакомства стало видно – этот шестнадцатилетний юноша точно так же, как она, исполняет долг перед своей семьёй и точно так же теряется в присутствии многих знатных людей.

Именно поэтому Илона вдруг захотела помочь жениху. Несмотря на свою застенчивость, она старательно придумывала, о чём с ним можно говорить, и всегда заговаривала первая, если видела, что тот не знает, что сказать.

Неловкие минуты молчания – чуть ли не самое неприятное, что может происходить между женихом и невестой, которые мало знают друг друга, и потому Илона делала всё, чтобы говорить-говорить-говорить.

Кажется, это было замечено, но не её усилия, а то, что неловких пауз нет. Наверное, кто-то сказал Вацлаву: «А ты молодец», – поскольку Вацлав начал вести себя свободнее и повеселел. Наверное, жених Илоны решил, что случилось чудо, раз он вдруг, ничего вроде бы не сделав, стал умелым собеседником, а Илона, глядя на довольное лицо жениха, радовалась, что смогла помочь, как недавно помогла Матьяшу. Помогать людям и радоваться их счастью оказалось очень приятно.

⁹ В феврале 1458 года Матьяш Гуньяди, уже избранный королём, вернулся из Чехии (Богемии) в Венгрию. 9 февраля состоялась встреча на границе, где чехи передали пленного Матьяша венгерским представителям в обмен на 60000 золотых. Через 5 дней Матьяш прибыл в Буду (венгерскую столицу), где состоялась торжественная встреча. Коронации не было, т.к. корона св. Иштвана, которой положено короновать венгерских монархов, была похищена за много лет до этого и находилась за пределами Венгрии. Матьяшу удалось выкупить корону и официально короноваться лишь в начале 1460-х годов.

Вацлаву уже исполнилось шестнадцать, то есть он считался взрослым, а вот Илона пока считалась ребёнком. Жених знал, что у его невесты ещё не случилось первых «регул», поэтому с ней нельзя обращаться как со взрослой, но, кажется, он даже радовался этому.

Если б ему приходилось обращаться с невестой как со взрослой, он бы терялся ещё больше, а так – заботился о ней, будто о младшей сестре. Кажется, никогда Илона не ела столько сладостей, сколько в те недели перед бракосочетанием, потому что жених, желая проявить внимание к будущей супруге, то и дело подкармливал её.

На дворцовых праздниках после того, как застолье оканчивалось и начинались танцы, Вацлав таскал Илоне пирожные. Когда семьи Понграц и Силады устроили совместный обед в доме Силады, жених опять накормил невесту сладким. И даже видясь с Илоной в церкви Божьей Матери во время воскресных месс, где присутствовала вся столичная знать, жених после окончания служб продолжал своё.

Когда Илона и Вацлав, провожавший невесту из церкви до дворцовых ворот, шли рядом по улице, он часто спрашивал:

– Хочешь орешков? – И вынимал из-за пазухи платок, в который была завернута горсть жареного миндаля в меду.

– Хочу, спасибо, – с улыбкой отвечала Илона, а затем брала себе в горсть немного.

Мать Илоны в шутку сетовала:

– Он тебя так раскормит, что ты не влезешь в свадебное платье. – Но дочь лишь пожимала плечами. Пусть жених заботился о ней немного неуклюже, но зато от чистого сердца. Это казалось лучше, чем если бы он говорил ей комплименты, взятые из книжки, или на каждом празднике уговаривал танцевать, ведь танцевать придворные танцы Илона не очень умела.

Вацлав и сам не слишком хорошо танцевал, поэтому жених и невеста выглядели одинаково смущёнными, когда во время свадебного пира Матьяш в полусутоливой форме приказывал им танцевать снова и снова.

Несмотря на свой новый титул, обязывавший быть степенным, кузен Илоны по-прежнему находил удовольствие в проказах, будто мальчишка. Матьяш, сидя на троне и сознавая свою власть, заставлял молодожёнов изображать взрослую пару, и забавлялся, видя, что у них не очень-то получается, а поскольку празднество проходило в королевском дворце, король приказывал молодожёнам не только на правах монарха, но и на правах хозяина дома. Ослушаться было нельзя, совсем нельзя.

Помнится, Илона чувствовала себя вдвойне неловко, потому что ещё не вполне созрела для брака. Когда состоялось бракосочетание, ей уже исполнилось тринадцать, и родня надеялась, что первые регулы к тому времени придут, однако этого не случилось. Данное обстоятельство казалось даже странным, ведь Маргит созрела ещё до того, как перешагнула границу тринадцати лет, а Илона всё никак не могла, и в итоге это отразилось на ходе свадебного торжества. Отразилось заметно!

Поцелуя в церкви не было, а гости во время брачного пира тоже оказались лишены привычного развлечения – уговаривать молодожёнов поцеловаться. Не было и брачной ночи. Илону просто отправили спать, и она, лёжа в кровати одна, слушала, как через открытое окно вместе с весенним ветерком доносится шум пира, продолжавшегося уже без неё.

К тому же несостоявшаяся брачная ночь означала, что брак хоть и заключён, но не осуществлён, то есть не вполне закреплено соглашение, которое заключил Михай Силады с семьёй липтовских Понграцев минувшей зимой.

В последующие недели после бракосочетания Илона готова была провалиться от стыда, ведь ей чуть ли не под юбку заглядывали, а в глазах окружающих застыл вопрос: «Ну, когда же? Скоро?»

Всех очень беспокоило это обстоятельство. К тому же супруги пока не жили вместе. Илона жила во дворце в окружении родни, а Вацлав – вместе со своими родителями в столич-

ном доме Понграцев, хотя изначально предполагалось, что Вацлав, проведя с супругой брачную ночь во дворце, останется жить там, пока молодожёны не уедут в Словакию.

Мать вздыхала:

– Если регулы не начнутся до конца лета, придётся тебе отправиться в Словакию как есть. Только Вацлав почему-то оставался спокойным:

– Ничего, я подожду, – говорил он, целуя жене руку, и Илона была ему за это терпение так признательна!

Меж тем выполнялось другое обещание, которое дал Михай Силадьи. В полное владение липтовским Понграцам перешёл замок Овар, полученный ещё давно в качестве залога от одного венгерского короля, одолжившего у Понграцев деньги. Долг так и не был возвращён, но Понграцы не стремились вернуть золото – они предпочли бы оставить себе залог.

И вот в середине июля Государственное собрание решило, что казна не станет гасить долг. Так замок Овар окончательно перешёл в собственность заимодавцев, а отец Вацлава осуществил то, о чём давно помышлял – удлинил свой титул. Если раньше этот вельможа именовался графом Сентмиклоши, то теперь – графом Сентмиклоши и Овари¹⁰.

Завершение дела о собственности стало таким важным событием, что про Илону на время забыли. Возможно, именно это ей и требовалось, ведь как только за ней перестали пристально следить и она успокоилась, долгожданное «созревание» наступило.

Проснувшись однажды утром, Илона обнаружила, что испачкала простыню и сорочку, а мать, пришедшая на зов служанки, взглянула на дочь и облегчённо вздохнула:

– Ну, слава Господу. Теперь подождём недели две, и твой брак можно будет осуществить.

Илона тоже испытала большое облегчение, и, наверное, поэтому предстоящая брачная ночь уже не вызывала ни тревоги, ни даже волнения, а когда всё наконец случилось, то показалось Илоне очень обыкновенным.

Затем молодожёны отправились в Словакию, в Липто, но там опять оказались в центре всеобщего внимания. Илона вновь почувствовала себя так, будто её каждый день спрашивают: «Ну, когда же? Скоро?» – но теперь речь шла не о регулах, а о беременности.

Увы, беременность так и не наступила, однако Вацлав по-прежнему оставался терпеливым, говорил утешающие слова. Вот за это Илона и полюбила мужа. Рядом с ним она чувствовала себя спокойной... и потому счастливой. Добрый, милый Вашек! «Неужели меня станут уговаривать, чтобы я забыла его ради нового мужа?» – думала Илона и заранее отвечала на все уговоры: «Нет, нет и нет».

* * *

На торжественной встрече, которую устроили венценосному Матьяшу, вернувшемуся из Моравии, Илона ничем не выдала своих тайных опасений, касающихся повторного замужества. Стоя по правую руку от тёти на дворцовом крыльце, племянница вслушивалась в приближающийся топот копыт, чтобы вместе с придворными дамами поклониться, когда венценосный кузен окажется во дворе.

Илона целых пять лет не видела своего двоюродного брата, но полагала, что он не слишком переменился, а черты лица остались такими же мягкими и приятными.

Матьяша прозвали Вороном, ведь эта птица присутствовала в его гербе, и из-за прозвища многие думали, что Его Величество и сам должен походить на ворона. Людям, ни разу не видевшим короля, представлялся брюнет с острым носом и острым подбородком, а ведь на

¹⁰ В благодарность за помощь в возведении Матьяша на престол клан Силадьи устроил так, что Понграцы из Сентмиклоша получили в полное владение два королевских замка: Стречно (Sztrecsno) и Овар (Ovar). 15 июля 1458 года Государственное собрание вынесло решение об этом. Основанием для решения послужило то, что ранее, 3 мая 1443 года, Понграцы одолжили 12000 золотых одному из венгерских королей (Владиславу Варненчику), а замки были получены в залог.

самом деле всё обстояло наоборот, и дело было даже не в том, что тёмно-русого человека не назовёшь брюнетом.

Нос у Матьяша был мясистый, а подбородок – округлый, и потому монарх производил впечатление человека сердечного и доброго. Так уж повелось, что округлые линии принято считать признаком доброты, а острые – жестокости, и Илона считала, что это не лишено оснований. Вот почему ей нравилось, что кузен совсем не похож на ворона. «Мой двоюродный брат – добрый человек и не станет выдавать меня замуж насильно, даже если нашёл мне жениха», – думала она.

Меж тем Матьяш со своей свитой приближался. Он ехал не по каменному желобу, а через новые ворота, расположенные с другой стороны дворца и выходившие в Верхний город. Разумеется, все горожане вышли встречать короля, а тот, наверное, ехал по мощёным улицам весьма довольный.

Перед крыльцом королевского дворца Матьяш появился, будто герой-воитель, и пусть вместо шлема на нём красовался берет, да и кирасу заменял нарядный кафтан, но король был препоясан мечом, а в свите присутствовали знаменосцы и трубачи, как в войске.

Несмотря на то, что победоносная война за обладание Моравией и Силезией, которую вёл Матьяш, завершилась ещё минувшей зимой, он, посещая завоёванные земли, вёл себя так, будто пожары войны ещё не угасли, и поддерживал в себе боевой дух.

Маргит как-то обмолвилась, что венценосный кузен просто хотел подольше насладиться лаврами победителя, и, судя по всему, она оказалась права, однако придворные Матьяша да и простые подданные охотно воздавали своему монарху новые и новые почести. Победа в войне даёт повод для гордости всему государству, так что люди, чествуя короля-победителя, напоминали самим себе, что живут в великой стране, и им тоже было приятно.

Как же всё изменилось! Илона помнила те времена, когда про её кузена никто ничего не слышал, а теперь все только и повторяли его имя. Даже собор Божьей Матери на главной площади Верхнего города теперь назывался собором Матьяша, а всё потому, что кузен пристроил к этому собору колокольню и подновил всё здание, после чего собор заново освятили – в честь небесного покровителя Матьяша, апостола Матфея.

Казалось бы, в этом не было ничего плохого, но король мог бы вести себя и поскромнее. Мог бы... но, увы, он любил восторженное внимание. Это все знали, и пользовались этим. Очередной стих о Его Величестве, портрет, статуя или что-то другое – каждый служитель искусств, принятый при дворе, понимал, что эти вещи окажутся щедро оплаченными, поэтому старался по мере сил и таланта, а Илона думала: «Пусть Матьяш слегка тщеславен, но ведь его любят. Значит, не так уж всё плохо».

Она думала об этом и в те минуты, пока венценосный кузен спешил, а затем поднимался по ступеням крыльца навстречу матери. Королевская свита оставалась у нижних ступеней, и Илоне вдруг вспомнились слова старшей сестры о предполагаемом женихе и о том, что он сейчас может находиться при Матьяше.

«Кто-то из этих разодетых мужчин посватается ко мне?» – эта мысль показалась нелепой и даже неприятной. Одно дело – наблюдать за жизнью двора со стороны, и совсем другое дело – идти под руку с напыщенным вельможей или самодовольным щёголем и делать вид, что счастлива. Нет! Издалека эти люди, всецело озабоченные своим общественным положением, казались милыми и даже забавными в своей суе, но вблизи смотреть на такого человека каждый день, называть мужем и исполнять то, что он требует... «Нет, нет и нет. Я замуж не выйду», – повторяла себе двоюродная сестра короля.

* * *

Илона, склонившись над круглыми пальцами, которые держала в левой руке, сидела на табуреточке в покоях тёти Эржебет и вспоминала вчерашний день: «Почему я решила, что Маргит права? Глупости. Не будет никакого жениха. Волноваться нечего».

Перед глазами мелькали картины вчерашнего праздника, устроенного в честь возвращения короля: торжественный обед, во время которого было объявлено о помолвке Матьяша с неаполитанской принцессой, а затем состоялось состязание поэтов, сходу сочинявших оды по случаю данного события. Смутно вспоминались лица придворных из королевской свиты – вполне молодые лица. Кузен Матьяш, которому было чуть за тридцать, старался окружать себя людьми нестарыми, и, наверное, поэтому Маргит решила, что среди них есть кто-то, кого Матьяш прочит в мужья своей двоюродной сестре.

Перед началом застолья Его Величество немного поговорил с Илоной, назвал милой кухней и сказал, что она совсем не изменилась с тех пор, как они виделись пять лет назад. Ни о чём серьёзном речь не заходила. Король даже не спросил, подумывает ли Илона о новом замужестве, поэтому она, сидя в покоях тёти и вспоминая вчерашний день, повторяла себе: «Всё глупости. Маргит ошиблась».

Рядом на скамеечках сидели придворные дамы из свиты Эржебет и тоже вышивали, но пальцы у этих вышивальщиц были не как у Илоны, а внушительного размера, с напольными подставками, предназначенные для большого куска материи.

Это не являлось случайностью, ведь женщины, много дней проводя в покоях матери Его Величества, имели достаточно времени, чтобы вышить нечто серьёзное. Лишь Илоне дали небольшой платочек, чтобы она успела закончить рисунок и показать тёте до того, как уедет в Эрдели.

Сама же тётя сидела в кресле и рассеянно наблюдала за чужой работой. У матери Его Величества, разменивавшей седьмой десяток, пальцы стали уже не такие ловкие, поэтому она не брала в руки иглу, а возле ног Эржебет, на подушках, разбросанных по коврам, сидели четыре совсем юные особы, освобождённые от вышивания совсем по другим причинам.

Та из юных красавиц, что сидела ближе к окнам, читала вслух житие Франциска Ассизского, на венгерском языке, и даже раздумывалась от усердия. Три остальные слушали о христианских подвигах святого и занимались кто чем: одна играла с кошкой, пытавшейся поймать кончик золотого шнура, а две другие слушательницы перешептывались.

Именно про этих четырёх особ говорила Маргит, когда рассказывала сплетню о новой любовнице Матьяша. Правда, старшая сестра так и не сказала, которая из девиц удостоилась внимания короля, но Илону это не очень занимало. К тому же могло статься, что Его Величество окажется непостоянным и сменит одну из четвёрки на другую.

Четыре юные красавицы были совсем не родственницы друг другу, но имели схожие черты лица, будто сёстры. Очевидно, за долгие годы старая госпожа Эржебет успела вплоть до мелочей изучить, что именно нравится её сыну, и нарочно окружала себя такими особами.

Эржебет сознательно шла на ухищрения, чтобы сын приходил повидать её почаще. Она понимала, что молодой человек не станет проводить много времени в обществе старух, поэтому ввела в свой круг нескольких девушек, которым больше подобало бы находиться в свите будущей супруги Его Величества, а не его матери.

«Когда Матьяш придёт, полезное чтение прекратится, а особа, что сейчас играет с кошкой, возьмёт в руки лютню. Инструмент специально лежит так, что можно легко дотянуться», – мысленно отметила Илона, а её тётя, которая, кажется, на минуту погрузилась в сон, вдруг встrepенулась:

– Что такое? – неожиданно спросила Эржебет у шепчущихся красавиц, тем самым остановив чтение. – Что у вас за «шу-шу»? Что за секреты?

Одна из юных особ, несколько не смутившись, ответила:

– Мы не секретничали, госпожа. Мы говорили о святом Франциске.

– И что же вы говорили?

– Мы говорили, что его житие похоже на историю рыцаря и прекрасной дамы.

– Вот как?

– Да. – Шушукалка продолжала: – Святой Франциск мечтал стать рыцарем на службе короля или герцога, а стал рыцарем на службе Христа. Ведь с этим никто не поспорит! Я слово в слово повторяю книгу.

– Ну, раз ты так уверена... – Наверное, Эржебет рядом с молодыми особами и сама казалась себе моложе, поэтому никого не одёргивала, если молодёжь заводила фривольную беседу.

– Госпожа, значит, я права! Ведь дальше всё просто. Божий рыцарь Франциск познакомился с Кларой, которой очень хотелось постричься в монахини, то есть выйти замуж за Христа. И получилось, что святой Франциск сделался рыцарем на службе у мужа Клары.

– Значит, святая Клара и есть прекрасная дама? Вот почему вам нравится чтение, шалуньи! – воскликнула старуха. – Я-то думала, мы читаем житие, а для вас это рыцарский роман!

– Орсоля, милая Орсоля! – Бойкая шушукалка совсем разошлась. – Почитай нам ещё раз то место, где рассказано, как Клара бежит из дома...

– Только про побег? А про то, как Франциск сам постриг её и проводил в женский монастырь? – спросила Орсоля.

– Нет, – поправила чтицу вторая из недавно шептавшихся девиц, – надо читать не про то, как Франциск кого-то постриг. Читай нам про то, как Франциск помог совершиться свадьбе своего господина-Христа и проводил даму сердца в новый дом, где ей предстояло жить в супружестве.

Юная особа, всё это время игравшая с кошкой, тоже присоединилась к разговору:

– А мне больше интересно то, про что в житии очень мало сказано.

– И что же? – спросила Эржебет.

– О чём беседовал святой Франциск со святой Кларой, когда навещал её в монастыре и давал ей духовное утешение. И как же Клара такое утешение принимала?

Эти пристойные слова были произнесены так, что прозвучали непристойно, но никто не одёрнул дерзкую красавицу. Морщины возле рта у Эржебет разгладились от улыбки, а вслед за тем вся комната наполнилась звонким смехом четверых «шалуний».

Придворные дамы, занимавшихся вышиванием, тоже прыснули со смеху, и лишь Илоне стало неприятно. За пять лет вдовства она уже отучила себя думать о том, о чём теперь шутили бойкие красавицы.

«Ну почему надо везде видеть такую низменную любовь? – думала Илона. – Что им за радость постоянно искать намёки на это, даже если речь идёт о святом! Почему надо так весело хихикать при мысли, что Франциск мог не сдержаться и что Клара раздвигала ноги?»

К тому же все эти шутки про Франциска и Клару были очень стары – настолько стары, что в уставе ордена францисканцев давным-давно появился прямой запрет для монахов посещать женские монастыри. То есть последователям святого Франциска было запрещено уподобляться основателю ордена, и запрет появился из-за таких вот глупых острот! Конечно, об этом не говорили на всех углах, но сравнение с рыцарским романом то и дело приходило кому-нибудь в голову.

– А что вы смеётесь! – подавляя в себе веселье, сказала юная Орсоля, продолжавшая держать книгу в руках. – Ведь святой Франциск потому и называется святым, что соблюдал все обычаи древнего рыцарства. Раньше, между прочим, дама могла положить рыцаря ночевать рядом с собой на одной кровати. И ничего не случилось! А святая Клара потому и называется святой, что хранила верность мужу.

Остроты на тему рыцарских идеалов посыпались со всех сторон, и именно в эту минуту большая дверь в комнату широко распахнулась, а слуга, открывший её с внешней стороны, тут же склонил голову и поспешно посторонился, давая дорогу Его Величеству.

- Матушка, – с улыбкой произнёс Матьяш, переступая через порог.
- Мальчик мой, – так же приветливо отозвалась Эржебет.

Оставаясь сидеть в кресле, она распахнула объятия. Король приблизился, и только тогда мать встала, чтобы прижать сына к груди:

– Дай обнять тебя, мой дорогой сын, ведь сегодня я тебя ещё не видела, – сказала тётя Илоны.

Меж тем все придворные дамы – и пожилые, и юные – присели в глубоком реверансе. Илона сделала то же, гадая, как долго продлится визит короля.

– Оставьте нас, – сказала Эржебет придворным дамам, но к четверым красавицам эти слова явно не относились. Взгляд матери Его Величества был обращён только на пожилых вышивальщиц.

Илона надеялась, что сможет уйти вместе с ними, и тоже направилась к выходу, однако тётя окликнула её:

– Девочка моя, прошу тебя – останься.

Это не казалось случайностью!

Тем временем Матьяш, будто не замечая двоюродную сестру, оглядел материнские покои.

– Как же давно я здесь не был! Всё путешествую...

– Да, Ваше Величество не были здесь с января, – подсказала Орсоля и тут же потупилась.

Матьяш оглянулся на неё:

– С самого января?

– Да, – повторила юная особа, приподняв голову и встретившись взглядом с Его Величеством.

Матьяш чуть усмехнулся, и Илоне кое-что стало понятно: «Так вот, оказывается, про кого говорила Маргит, но вряд ли Орсолье повезёт так, как повезло её предшественнице».

Предшественницу звали Барбара Эделпёк¹¹. Уже само окончание фамилии говорило о немецком происхождении, а Маргит, помнится, упоминала в одном из писем, что Матьяш пленился немецким акцентом той особы.

Король нашёл Барбару не в покоях своей матери, а где-то на северо-западе королевства. Она была не очень знатна, а единственный замок её отца назывался... да никто толком не помнил – что-то оканчивающееся на «штейн».

Однажды Матьяш решил поохотиться в тех местах, но, гоняясь за зверем, упал с лошади и подвернул ногу. Короля перенесли на носилках в ближайшее поместье, и тот, видя, что хозяйева очень гостеприимные, решил задержаться в гостях до полного выздоровления.

Затем Барбара получила приглашение от Его Величества приехать ко двору, но скоро там начали думать, что эта связь, подобно прежним, окончится ничем, да и Матьяша крайне уязвляло то обстоятельство, что он, несмотря на старания, не мог сделать счастливой матерью ни нынешнюю, ни предыдущих своих фавориток. В редких случаях, когда дети всё же рождались, они появлялись на свет уже мёртвыми.

По правде говоря, король перестал надеяться, но Барбара умудрилась родить крепкого и здорового мальчика. Его называли Яношем, а когда стало понятно, что жизни ребёнка ничто не угрожает, Матьяш подарил Барбаре имение в Эрдели.

Так она превратилась в очень богатую женщину, но, увы, перестала быть желанной гостьей при дворе. Король не только подарил ей имение, но и выдал замуж, а что касается маленького Яноша, то венценосный отец не хотел признавать отпрыска официально. Матьяш посватался к дочери неаполитанского короля и, окрылённый успехом, полагал, что теперь сможет стать отцом законных детей.

¹¹ В венгерской литературе её также называют Болбала, а фамилия иногда указывается как Эделпек или Эделпок.

«Королевская любовь быстротечна», – с некоторой грустью думала Илона, хотя всё произошедшее считалось обычным делом. Погрузившись в эти мысли, она даже не заметила, как Матьяш повернулся к ней.

– Кузина, вчера на празднике мы не успели как следует поговорить, но сегодня я надеюсь исправить это упущение, – сказал он. – Мы – одна семья, но так редко видимся.

– Увы, да, Ваше Величество.

– Это целиком твоя вина, – шутливо проговорил Матьяш, усаживаясь в кресло и вытягивая ноги. – Зачем ты не живёшь где-нибудь поблизости?

– Мне нравится жить в Эрдели, – ответила Илона, снова усаживаясь на табуреточку и возвращаясь к вышиванию.

– А как тебе понравилось гостить во дворце? – спросил венценосный кузен.

– Здесь очень любят гостей.

– Уклончивый ответ, – заметил король и повернулся к юным придворным дамам своей матери: – А мы сейчас спросим... Милые девушки, расскажите мне, как жила у вас Илона прошлые дни?

Все четыре особы, успевшие рассестись по подушкам возле кресла Эржебет, затрещали наперебой:

– Она всё время вышивает! А петь не любит! И ещё она слушает-слушает, но сама мало говорит! И почти не смеётся!

– Как же так, Илона! – всё тем же шутливым тоном продолжал Матьяш, снова повернувшись к кузине, и всплеснул руками. – Неужели ты решила воспользоваться советом римского поэта Овидия и привлечь внимание женихов, прилюдно тоскуя о покойном муже? Боюсь, этот совет уже устарел. В наши времена никто не любит печальных лиц. Даже искренняя печаль уже не кажется ни прекрасной, ни достойной восхищения. Увы! – Король улыбнулся.

Илоне полагалось улыбнуться хотя бы просто из уважения к кузену, но она не смогла себя заставить – настолько грубой показалась шутка, а Его Величество, немного раздосадованный, вылез из кресла и присел напротив родственницы на каменную скамеечку, вмурованную в стену под окном:

– Признайся, кузина. Тебе ведь снова хочется замуж?

«Маргит всё-таки оказалась права», – с беспокойством подумала Илона и решила обогреться, поэтому ничего не ответила на вопрос короля – лишь пожала плечами.

III

Илона на мгновение почувствовала, будто является добычей, а вокруг – охотники. И никуда не денешься. Вот напротив неё сидит Матьяш и заглядывает ей в глаза. Так же смотрит на племянницу тётя из своего кресла, и даже четыре красавицы, сидящие у ног Эржебет, глядят, будто гончие, готовые кинуться вперёд по первому знаку хозяев.

– Пожимаешь плечами? Значит, ты не прочь выйти замуж? – продолжал шутливо допытываться кузен. – А если бы я сказал, что у меня есть на примете жених для тебя?

Илона продолжала молчать, но красавицы в комнате сразу встрепнулись:

– Жених? Надо же! А кто он? Илона, до чего же тебе повезло! А кто жених? Кто он?

– Я не могу вам сказать, если Илона сама не спросит, – хитро улыбнулся король, и, конечно же, на молчунью посыпались просьбы:

– Илона, ну спроси! Если тебе не интересно, но хоть ради нас! Спроси! Пожалуйста, спроси!

Молчунья сдалась:

– И кто же этот жених? Наверняка человек достойный, если у него в сватах сам король? Матьяш, очевидно, очень боялся вызвать разочарование, поэтому начал издали:

– Кузина, ты ведь хочешь помочь мне породниться с правящей фамилией из соседних земель?

– Наверное, из Польши?

– Нет.

– Неужели из Богемии? Но ведь там же все сплошь еретики. Гуситы, да? Кажется, так они себя называют? За еретика я не выйду.

– Нет, речь не о богемцах.

– Неужели кто-то из немецких земель?

– Нет.

– Но откуда же происходит мой предполагаемый жених? – Илона искренне недоумевала. – Если он не поляк, не богемец и не немец, то из соседей остаются только турки.

– Нет, Илона! Побойся Бога! – король хохотнул.

Видя настроение Его Величества, все юные особы, а с ними и Эржебет, дружно засмеялись, однако Илоне было не до смеха:

– А что же это за страна, которая граничит с нашим королевством? Неужели Ваше Величество принимает в расчёт те крохотные страны, которые существуют на Адриатике? Они ведь скоро будут завоёваны турками. Если я поеду туда, то могу оказаться в плену у турок. Ваше Величество желает для меня такой участи?

– Я желаю породниться с правящей фамилией из Валахии¹², – произнёс Матьяш. – И ты для этого весьма подходящая невеста.

– Да? – удивилась «невеста». – И с кем там заключать брачные союзы? Эта страна влахов – как тёмный омут. Даже не знаю, кто там у власти. А Ваше Величество намеревается ввергнуть меня в этот омут? Я не поеду!

– Всё не так страшно, – успокоил её король. – Жених находится не за горами, а у нас, и первое время вы станете жить не в Валахии, а близ Буды, почти что в столице.

– Но рано или поздно мне придётся ехать в Валахию? – спросила Илона.

– Скорее поздно, чем рано.

– А переменять веру? Влахи ведь не католики.

– Нет, веру переменять не придётся. Я обещаю. – Матьяш снова улыбнулся, но не мог не понимать, что сватовство идёт не очень гладко. Невеста сохраняла на лице недовольство.

Матьяш замешкался, очевидно, раздумывая, как повести беседу дальше и сделать её приятнее, а Илона воспользовалась этим, чтобы твёрдо произнести:

– Нет, Ваше Величество. Можете гневаться на меня, но я отказываюсь.

– Даже не узнав имя жениха?

– Его имя всё равно мне ничего не скажет.

– Нет, ты слышала об этом человеке.

– Слышала?

– Да, – сказал король. – Это мой кузен Ладислав Дракула.

У Илоны округлились глаза, и даже рот приоткрылся:

– Тот самый Дракула?

– Да.

Она ещё несколько мгновений смотрела на Матьяша, а затем, впервые за всё время, проведённое у тётки, почувствовала, как от подступающего веселья уголки губ сами собой тянутся вверх, и расхохоталась. Аж до слёз! Вышивание упало с колен и сделалось добычей игривой кошки, но Илона этого не заметила. Вытирая руками выступавшие слёзы, она никак не могла перестать смеяться, а когда всё-таки успокоилась, то едва выговорила:

¹² Валахия – вплоть до XIX века так называли румынское государство другие народы. Сами румыны называли его Румынской Страной, а название Валахия использовали в офиц. документах и письмах, составленных на иностранных языках.

– А я ведь поверила... ой... поверила... Даже испугалась немного... Ваше Величество так ловко всё разыграли... Так похоже на настоящее сватовство...

– Что же тебя насмешило? – очень серьёзно спросил Матьяш, то есть ясно дал понять, что это не шутка.

Илона недоумевала:

– Как «что»? Ведь он... он же Дракула!

* * *

Дракула – это имя Илоне в юные годы доводилось слышать много раз. Кажется, в переводе с валашского оно означало «чёрт» и было не столько именем, сколько прозвищем, однако такое же прозвище когда-то носил отец Дракулы и оставил сыну в наследство, а прозвище, передающееся по наследству – всё равно что имя.

Как бы там ни было, но это семейство «чертей» в семье Силады в прежние времена вспоминали довольно часто. О Дракуле, которого теперь прочили Илоне в мужа, много говорил дядя Михай и, как ни странно, отзывался о нём одобчительно.

Это казалось особенно странным, учитывая то, что говорили о господине Яноше, муже тёти Эржебет, и об отце Дракулы. Утверждали, что отец Дракулы был очень плохим человеком, ведь «чёртом» просто так не назовут, и что этот «чёрт» получил по заслугам, когда господин Янош велел отрубить ему голову. А что касается самого Дракулы, то он, по слухам, уродился весь в отца, но вопреки всему сумел заслужить расположение Михая Силады, и это был один из тех редких случаев, когда Михай, во всём доверявший мнению Яноша, был не согласен с мужем своей сестры Эржебет.

Конечно, роль сыграло и то обстоятельство, что господин Янош умер, а Михай переменял мнение уже после его смерти, и всё же это было удивительным.

Помнится, семнадцать лет назад, когда Илона в холодные декабрьские дни впервые приехала в Буду и поселилась в доме дяди, то не раз становилась невольной слушательницей дядиных речей о Дракуле, младшем «чёрте».

Михай Силады, сидя за ужином в кругу семьи, любил порассуждать. Дядя упоминал, что Дракула – «славный малый» и «хорошенько поджарил зады этим саксонцам», то есть немцам, жившим в Эрдели. Речь шла о какой-то военной экспедиции Дракулы в те края, когда он предал огню немецкие селения. Казалось, тут нечего одобрять, но дяде Михая это очень нравилось, потому что он не любил саксонцев.

Откуда у дяди такое неприязненное отношение к ним, Илона не знала, но как христианка считала нужным сострадать людям, потерявшим кров и, возможно, даже потерявшим жизнь. Племянница, несмотря на то что всегда признавала авторитет старших, не могла одобрять слов дяди, а дядя всё твердил, что Дракула славный малый, весьма способный в военных делах, и что его непременно надо пригласить приехать к венгерскому двору, когда Матьяш взойдёт на престол.

Пригласили Дракулу ко двору или нет, Илона так и не узнала. Кузен Матьяш, получив власть, поначалу очень мало времени уделял отношениям с соседними государствами, а Илоне тогда было недосуг расспрашивать кузена, намерен ли он в будущем последовать совету дяди Михая относительно Дракулы. Её гораздо больше занимало собственное неопределённое положение. Это был именно тот тягостный период после бракосочетания, когда все ждали, чтобы молодая супруга созрела и начала жить с мужем, а когда совместная жизнь наконец-то началась, Илона уехала вместе с Вацлавом в Липто. Если Дракулу и пригласили ко двору, это случилось уже после её отъезда, и ей не довелось на него посмотреть, о чём Илона совсем не жалела даже сейчас. По правде говоря, она никогда особенно не интересовалась историей Дракулы. Про него говорили, что он очень жесток, хоть и оваян воинской славой, а жестоких людей

Илона не понимала и не стремилась понять. «Христианин должен быть добрым», – говорила она себе.

Та знаменитая история, случившаяся много лет назад, когда Дракула был обвинён в измене венгерской короне и посажен в тюрьму, конечно же, дошла до Илоны, но без особенных подробностей. В захолустьях вроде Липто слышны лишь отголоски больших событий, и история с Дракулой не стала исключением. Кажется, Илона даже подумала, что всё к лучшему, ведь если Дракула оказался в тюрьме, это означало, что он не станет больше проливать кровь.

Затем Илона снова забыла об этом человеке, а теперь Матьяш вдруг предложил ей выйти за Дракулу замуж... Глупость! Нелепица! Как так? Зачем? Очевидно, кузен собрался освободить узника из тюрьмы. Но зачем ещё и играть свадьбу!

* * *

Эржебет, сидящая в кресле, и четыре красавицы, сидящие рядом с ней, внимательно смотрели на Илону. Их ничуть не насмешили слова о свадьбе с Дракулой, хотя, казалось бы, могли насмешить.

«Значит, Матьяш сговорился со своей матерью и её юной свитой заранее. Тут нет сомнений», – подумала Илона, но король вывел кузину из задумчивости. Он, всё так же сохраняя на лице серьёзность, которая граничила со строгостью, сказал:

– Понимаю, ты никак не ждала подобного. Однако уверяю тебя, что это не шутка. Дело весьма важное.

– Но ведь Дракула покушался на жизнь Вашего Величества. Задумал заманить Ваше Величество в ловушку, взять в плен и передать в руки туркам. Разве нет?

Матьяш наконец улыбнулся, но не весело, а успокаивающе:

– Кузина, он невиновен.

– Однако сидит в крепости.

– Совсем недавно я смог убедиться в его невиновности, – будто нехотя, пояснил король. – Оказалось, что меня ввели в заблуждение. И теперь я хочу освободить его, тем более что он мой кузен.

– Но при чём здесь я? – Илона пожала плечами.

– Признаюсь, что я немного виноват перед своим кузеном, – продолжал Матьяш. – Теперь мне нужно загладить вину.

– С моей помощью? Нет, Ваше Величество. Я не могу.

Король печально вздохнул и, почесав кончик носа, сказал:

– Кузина, но если ты не согласишься, он останется в тюрьме.

– Почему? – удивилась Илона, подбирая с пола упавшее вышивание и проверяя, не потерялась ли иголка. – Почему, если Дракула невиновен? Разве невиновный должен сидеть в тюрьме? Ведь Ваше Величество не зря называется справедливым королём. А разве может справедливый король допустить несправедливость?

– Кузина, это политика, – снова вздохнул Матьяш. – Да, я допустил ошибку и незаслуженно посадил моего кузена в тюрьму, но теперь он на меня злится. Поэтому исправить ошибку мне непросто. Тот, кто злится на меня – мой враг, а освободить врага я не могу. Но вот если бы у него появилась супруга вроде тебя, она примирила бы меня с ним.

– У меня это не получится. – Илона, наконец найдя иголку, покачала головой и снова принялась за вышивание. – Дракула не станет слушать моих увещаний, даже если я соглашусь на ту роль, которую отводит мне Ваше Величество.

Услышав «если», Матьяш обрадовался, хоть и старался не показать этого:

– Кузина, но тебе не придётся ничего говорить. Твоя свадьба с моим кузеном сама по себе изменит всё в лучшую сторону. Подумай. Ведь ты поможешь не только мне и моему кузену, но и многим тысячам христиан, которые окажутся спасены от смерти. Тебе, наверное, известно,

что Дракула – весьма талантлив как военачальник, поэтому, как только он получит свободу, я начну готовить поход на турок. Дракула обеспечит мне победу, я уверен.

Илона подумала немного и начала колебаться. Всё говорило о том, что она должна исполнить свой долг, помочь многим христианам, но ведь речь шла о браке! Жертва казалась слишком большой. Слишком. «Нет, я не могу. Может, я неправа, но я не могу», – твердила себе Илона, а вслух произнесла:

– Но почему именно Дракула? Разве у Вашего Величества нет других достойных военачальников, чья верность безусловна и не нуждается в подкреплении через договорной брак?

– Разумеется, есть, но ни один из них не имеет прав на валашский трон, а мне там нужен свой человек, – просто ответил король.

Илона молчала, а Матьяш решил поменять тактику:

– Кузина, прошу тебя, скажи, что тебя смущает. Уверю тебя, что Дракула вовсе не так страшен, как о нём рассказывают. Просто у него много врагов, которые сочиняют о нём ужасные истории, а Дракула не стремится ничего опровергнуть и оправдаться, потому что страх – это тоже оружие. Дракулу бояться, и это позволяет ему легче одерживать победы, но тебя ему пугать ни к чему.

– Я верю Вашему Величеству, но это не по мне, – призналась Илона. – Если бы речь шла о другом человеке, возможно, я бы согласилась. Но Дракула...

– А ты забудь о Дракуле, – вдруг перебил король. – Пусть для тебя он станет просто моим кузеном Ладиславом. Что ты скажешь тогда? И погоди отказываться. Сперва взгляни на портрет.

Юные особы, сидевшие возле Эржебет, сразу встрепенулись:

– Портрет? Что за портрет?

– Недавно я заказал портрет своего кузена Ладислава, – ответил король. – Я подумал, что если это сватовство, то пусть оно будет по всем правилам. Невеста должна увидеть жениха прежде, чем скажет окончательное слово.

Илона ничего не сказала, но красавицы продолжали трещать:

– Портрет Дракулы? То есть... портрет кузена Вашего Величества? А где же портрет? Где?

– Пойдите в соседнюю комнату и прикажите, чтоб его внесли, – произнёс король.

Все красавицы вскочили и побежали исполнять королевскую просьбу-приказ, а через минуту вернулись, и за ними теперь следовали двое слуг. Один тащил подставку, а другой – картину, обёрнутую в сукно. Установив портрет, но в обёрнутом виде, слуги поклонились королю, затем – дамам, после чего, пятась, вышли и плотно прикрыли за собой дверь.

Юные особы потянулись к картине, однако слышали строгий голос Матьяша:

– Нет, это для Илоны. Пусть она и откроет.

Все четыре особы окружили кузину Его Величества, и начали осыпать просьбами с четырёх сторон:

– Илона! Илона! Ну что же ты! Пожалуйста, дай нам посмотреть. От тебя не убудет.

Даже Эржебет присоединилась к просьбам:

– Девочка моя, дай же нам посмотреть.

Пришлось уступить. Илона отложила вышивание, встала, подошла к картине и развернула сукно. Поначалу стало страшно, что придётся встретиться взглядом с человеком, изображённым на холсте. Пусть это оказалось бы нарисованное лицо с нарисованными глазами, но всё равно было как-то не по себе.

К счастью, человек на портрете смотрел куда-то в сторону, будто не замечая свою возможную невесту, и от этого стало спокойнее, но одеяния из красного бархата, почти что цвета крови, напоминали, что на картине изображён не кто-нибудь, а Дракула.

Илоне также бросилось в глаза, что он заметно старше неё. Не старик, конечно, но в чёрных усах и таких же чёрных длинных волосах уже виднелась седина, да и лицо немного осунулось, что тоже говорило о возрасте, ведь с годами все лица становятся либо осунувшимися, либо одутловатыми.

Возможная невеста вдруг вспомнила свои недавние рассуждения о том, что острые черты лица обычно присущи злодеям, и подумала, что Дракула своей внешностью подтверждает правило. Острый прямой нос, острый подбородок, острые скулы. Округлую форму имели разве что брови и нижняя губа, видная под линией усов, а вот сами усы вместо того, чтобы плавно закручиваться вверх, по моде, тянулись прямо и лишь на самых кончиках завивались в колечко.

«Весь прямой и со многими острыми углами. Есть ли в этом человеке хоть что-то мягкое и доброе?» – размышляла Илона, разглядывая изображение, а тётушка, поднявшись с кресла, почему-то не торопилась приблизиться к портрету, как и юные придворные дамы. Возможно, они оставляли место Матьяшу.

– Итак, кузина, – произнёс он, становясь по правую руку от Илоны, – представь, что это просто человек, с которым я хочу породниться. Просто человек, которого ты не знаешь. И вот я спрашиваю тебя: могла бы ты за него выйти? Что ты ответишь?

Наверное, кузен Матьяш ожидал услышать «могла бы», но Илона исчерпала ещё не все доводы:

– Ваше Величество, я бы ответила, что мне нужно посоветоваться с родителями. Прежде всего с отцом.

Король всплеснул руками, как в самом начале разговора, а затем очень уверенно возразил:

– Нет, с отцом советоваться не нужно.

– Почему? – удивилась Илона.

– Потому что твой отец всецело поддержит меня, как полагается родственнику и верно-подданному, – всё так же уверенно произнёс Матьяш. – Моё желание состоит в том, чтобы ты, кузина, вышла замуж, поэтому твой отец, когда узнает о моём желании, согласится со мной. Однако я не хочу злоупотреблять своим положением, и именно поэтому спрашиваю тебя, кузина. Именно тебя, а не твоего отца. Я хочу узнать, как ты отнесёшься к этому браку, и если бы я увидел твои слёзы и отчаяние, то отступился бы. Однако я вижу, что ты смеёшься и сомневаешься, поэтому продолжаю тебя уговаривать. Ну же, кузина! Ты ведь понимаешь, что мой кузен Ладислав – такой же человек, как и все. Дьявольских рогов или ещё чего-нибудь эдакого у него нет. Почему бы тебе ни выйти за него? Соглашайся!

IV

Илона так и не согласилась на странный брак, предлагаемый Матьяшем, но всё же обещала подумать, а король, конечно, воспринял это как свою победу. Ничем другим нельзя было объяснить то, что настроение Его Величества стало превосходным. Когда он пригласил свою кузину, матушку и четырёх юных особ пойти прогуляться в дворцовый сад, то весело шутился от яркого весеннего солнца и всё время пересказывал строки из Овидия, смысл которых сводился к одному – никогда нельзя отказываться от новой любви.

Возможно, только теперь Илона по-настоящему заметила, что наступила весна. Оказавшись на песчаной дорожке сада, грустная вдова вдруг почувствовала едва уловимый аромат шиповника. Тёмно-зелёные кусты с белыми или розовыми цветами виднелись тут и там, а над ними возвышались огромные лиственные деревья с широкими тенистыми кронами, как будто украшенные белыми свечами, подобно рождественским елям – так, свечками, цвели каштаны. Как же внезапно наступило это цветение!

Кузен Матьяш, идя рядом и поддерживая Илону под правый локоть, попросил:

– Кузина, улыбнись.

О том же начала просить и тётя Эржебет, шедшая с другого боку от Матьяша. Затем король вспомнил подходящую строку из Овидия, а четыре юные красавицы, шедшие позади, поддержали Его Величество весёлым щебетом, восхищаясь, как хорошо и точно сказано.

Матьяша это раззадорило, и он начал вспоминать ещё:

– Ведь прав был поэт, когда сказал, что женское сердце – это источник, из которого сколько ни черпай, он наполняется вновь. За потерями всегда следуют приобретения.

– Это опять Овидий? – спросила Илона.

– Да, – просто ответил монарх.

– Должно быть, Вашим Величеством уже прочитаны все его книги.

– Нет, я даже «Героиды» пока не дочитал, – чуть смутившись, признался Матьяш, и по всему было видно, что он собирается дочитать.

Поначалу Илоне нравилось, что кузен стремится её ободрить, но затем это начало досаждать. «При чём здесь любовь? Мне предложили вступить в брак по договору, – подумала она. – Какое отношение к такому браку имеют чувства?»

Почему-то вдруг вспомнились рыцарские романы, в которых рыцарь спасал прекрасную даму, запертую в башне, и в этой связи брак с Дракулой, предложенный Матьяшем, показался ещё более нелепым, чем в ту минуту, когда Илона только услышала об этом и приняла за шутку. Дракула ведь сейчас сидел в башне в далёкой крепости, и получалось, что всё в мире перевернулось с ног на голову – раньше рыцари спасали дам из башен, а теперь даме предложили спасти рыцаря.

«Вот уж романтично», – мысленно усмехнулась кузина Его Величества, слушая пересказ очередных строк из Овидия, и теперь идея, которая уже давно появилась у неё в голове, оформилась окончательно: «Брак с Дракулой – это не страшно, а просто смешно. Я – жена Дракулы? Надо мной все будут потешаться!»

Илоне вдруг сделалось так стыдно из-за возможных насмешек, что она смутилась, когда к Его Величеству приблизились несколько придворных и напросились в сопровождение: «Они поймут, о чём мы говорим, разнесут эту новость по дворцу, и весь двор будет хихикать».

Пусть король не говорил о Дракуле прямо, а только призывал кузину перестать печалиться о покойном Вацлаве Понграце, ей почему-то казалось, что для окружающих всё очевидно. От чувства неловкости и стыда никак не удавалось избавиться, поэтому Илона принялась считать минуты, приближающие её к окончанию прогулки.

* * *

Илона и Эржебет с четырьмя юными дамами вернулись из сада в ту же самую комнату, которую покинули. Матьяш уже не сопровождал их – ушёл, сославшись на дела, и обещал заглянуть через несколько дней – а как только он скрылся из виду, Эржебет строго заявила придворным, которые навязались в спутники к четырём её подопечным красавицам:

– Я вас не задерживаю, господа.

Расставанию с кавалерами не огорчилась разве что Орсоля. А вот три остальные девицы казались раздосадованы. Они, наверное, полагали, что лучше уж выйти замуж, чем жить, как монашка, под присмотром матери Его Величества и ждать «счастья», которое может и не наступить.

«Мне бы их горести», – думала Илона, видя, что портрет Дракулы никуда не делся. Он по-прежнему находился в комнате и напоминал о том, что брак пока ещё возможен и что выход из того дурацкого положения, в котором Илоне случилось оказаться, ещё не найден.

Картина стояла на подставке, накрытая сукном и будто спрашивала: «Ну, что?» «Нет, я замуж не выйду», – мысленно ответила Илона, а её тётя, вошедшая в комнату чуть ранее, казалось, совсем не обратила внимания на лишний предмет.

Мать Его Величества снова уселась в кресло, велев одной из четверых красавиц взять лютню и спеть что-нибудь. Меж тем кухня Его Величества вернулась к вышиванию. «Ничего, как-нибудь выкручусь», – твердила она себе, но когда песня окончилась, тётя выслала своих подопечных вон, а в ответ на недоумённый взгляд племянницы пояснила:

– Нам с тобой нужно поговорить, моя девочка.

– О чём, тётушка? – спросила Илона.

Тётя встала с кресла и направилась в дальний угол комнаты, который в это время дня уже не освещался солнцем. Он казался укромным, тихим, как раз для доверительной беседы, и к тому же там стояла пристенная лавка, позволявшая собеседникам или собеседницам сидеть как можно ближе друг к другу.

Эржебет опустилась на лавку, но не облокотилась на высокую деревянную спинку, а осталась сидеть прямо и жестом пригласила племянницу сесть рядом.

– Не сердись на моего Матьяша, – с мягкой улыбкой проговорила матушка Его Величества. – Он – мужчина, а мужчины частенько говорят слишком прямо. Они не понимают, что женщине такие слова кажутся неприятными, даже если по сути всё верно.

– Тётушка, вы имеете в виду сегодняшний разговор о браке? – осторожно спросила Илона, тоже сев на лавку.

– Да, моя девочка, – ответила Эржебет. – Откуда мужчине знать, что чувствует вдова? А я знаю. Я ведь до сих пор скучаю по своему мужу, хотя со дня его смерти прошло почти девятнадцать лет. Пусть я овдовела не так рано, как ты... но разве от этого легче? Мой Янош был мне не только мужем, но и другом. Порой мне не хватает его совета, а семнадцать лет назад, когда я вместе с твоим дядей Михаем добивалась для Матьяша свободы и трона, мне казалось, что Янош незримо присутствует рядом и подсказывает, что делать.

Тётя судорожно вздохнула и быстрым движением левой руки смахнула с глаз слёзы.

– Не плачьте, тётушка, – сказала Илона, осторожно сжав её правую руку, лежавшую на коленях, но и сама уже готова была плакать.

– Даже в те дни, – меж тем продолжала Эржебет, ненадолго замолкая, если её голос начал дрожать, – даже в те дни, когда я чувствовала присутствие Яноша рядом, я сделала бы всё, чтобы позаботиться о Матьяше и обо всей семье Силадьи. Даже вышла бы замуж во второй раз. Да, мне тогда было больше сорока лет (считай, старуха), но если бы я оказалась чуть моложе и понадобилось бы заключить брак ради политического союза, я не задумываясь сделала бы это. Чтобы помочь Матьяшу, чтобы помочь твоему ныне покойному дяде Михаю и всей семье Силадьи. В чём счастье для нас, женщин? В том, чтобы помогать своим семьям, быть нужными. И если у нас получается принести пользу, мы обретаем душевный покой. Ведь так?

– Наверное, вы правы, тётушка.

– Конечно, я права, – сказала Эржебет, голос её окреп, и теперь она сама левой рукой накрыла руку племянницы, всё ещё сжимавшую тётину правую. – Вот и ты, моя девочка, уже пять лет не находишь себе места потому, что после смерти твоего Вацлава тебе не о ком заботиться. Но есть способ исправить это. Ты нужна своей семье, позаботься о своих родственниках. Сделай то, о чём тебя просит мой Матьяш. Никто не станет заставлять тебя, потому что ты уже исполнила свой долг, когда вышла замуж семнадцать лет назад. Тогда ты помогла своей семье, а теперь сделай это снова, но уже не столько ради семьи, сколько ради себя. Ты снова почувствуешь себя нужной, почувствуешь сопричастность большому делу и обретёшь душевный покой.

– Тётушка, вы всё правильно говорите, – совершенно искренне ответила Илона, вдохновившись её словами. – Покой – это то, чего у меня нет, но возможно ли обрести душевный покой в браке с таким человеком, как Дракула?

– Если всё окажется совсем плохо, то жить с мужем ты не обязана, – просто ответила Эржебет. – Твоя семья тебя защитит. Если тебе не понравится жить с ним вместе, то будете

жить врозь. Сможешь остаться здесь, при мне, если захочешь, или вернуться в Эрдели. Главное – это сам брак, который станет залогом крепкого политического союза.

– Тётушка, если бы это оказался кто-нибудь другой, а не Дракула... – начала Илона, но Эржебет перебила её:

– Давай-ка, я расскажу тебе о нём то, чего тебе никто другой не расскажет. Вот все твердят, что Дракула творил страшные дела, но эти люди его не знают. А я знаю и потому могу о нём судить по своему опыту, не с чьих-то слов.

– Тётушка, я не понимаю... Вы его знаете?

– Когда-то очень давно мне довелось принимать у себя Дракулу как гостя, – пояснила Эржебет. – Это было в Эрдели, в замке моего Яноша. Янош в те времена был жив и даже не стар...

– Принимать Дракулу у себя? – удивилась Илона.

– Да, – продолжала рассказывать тётя, – Дракула гостил у нас несколько недель, хотя... в те времена он ещё не стал Дракулой, никто не называл его так. В те времена это был мальчик лет тринадцати. Приехал по велению отца, потому что с отцом Дракулы мой Янош в то время был дружен. Приезд в гости стал знаком доверия.

– А я думала, господин Янош с отцом Дракулы враждовали, – сказала племянница. – Ведь господин Янош велел, чтобы отцу Дракулы отрубили голову.

– Это было позже, – непринуждённо ответила тётя, – а в те времена, о которых я тебе рассказываю, был мир, и тринадцатилетний Дракула приехал в гости к моему мужу и ко мне.

– И как этот мальчик вам показался? – с любопытством спросила Илона.

– Довольно милый, – усмехнулась Эржебет, – но не очень воспитанный. Помнится, он, как только приехал, сходу спросил моего Яноша: «Почему ты медлишь отправляться на войну с турками?» И добавил: «Мой отец уже выступил в поход».

Илона снова удивилась:

– Тётя, вы пересказываете слова Дракулы. Неужели вы знаете язык влахов?

– Нет, – ответила Эржебет, – но Дракула говорил на нашем языке. Уж не знаю, когда успел выучить нашу речь, но говорил неплохо... хотя лучше б помалкивал, потому что стремился не скрывать своих мыслей, из-за чего временами казался грубым. Кстати, Дракула так и не оставил эту привычку. Многие до сих пор называют его несдержанным, и я думаю, они правы.

Илона задумалась, а тётя, видя это, поспешно добавила:

– Я тебе ещё не всё рассказала, а ведь ты сейчас, наверное, подумала, что Дракула станет несдержанно и грубо обходиться с тобой? Вовсе нет. Я уверена.

– Как вы можете быть уверены, тётушка?! – воскликнула племянница.

– Могу, – улыбнулась Эржебет, – потому что я видела, как он обходился с девушками. Да, это было очень давно, но в некоторых вещах люди не меняются, и к тому же... – Она задумалась. – Нет, я расскажу по порядку.

Племянница молча ждала.

– Так вот, – всё с той же улыбкой продолжала тётя, – кроме Дракулы в замке гостила одна родственница Яноша. Ей было пятнадцать, и Дракуле она понравилась. Он в свои тринадцать не умел ухаживать, но старался научиться изящным манерам и действовал весьма хитро. Однажды подарил её служанкам пояс с золотыми нашивками, чтобы через служанок ближе подобраться к госпоже.

– И чем всё закончилось? – спросила Илона.

– Дракула понял, что моя родственница никогда не уступит ему так, как он хочет. Разумеется, воздыхатель огорчился, наговорил ей всяких дерзостей, а ты... ты чем-то похожа на ту мою родственницу. Даже не знаю, чем именно, но есть некое неуловимое сходство.

– Куда вы клоните, тётушка? – насторожилась Илона.

Эржебет сильнее сжала её руку:

– Я хочу сказать, что Дракула будет с тобой любезен. Главное, без особой причины не отказывайся исполнять супружеский долг. Вот и всё. Бояться тебе совершенно нечего.

Наверное, тётя зря затронула тему физической близости. Лучше б продолжала говорить о долге перед семьёй, потому что всё воодушевление у Илоны пропало.

– Тётушка, я готова поверить вам, – печально произнесла она. – И готова поверить Его Величеству, который сказал, что Дракула вовсе не так страшен, как о нём рассказывают. Но... даже Его Величество не отрицал, что у этого человека очень плохая слава, а я не хочу, чтобы эта слава перешла ещё и на меня как на его жену.

– Мой Матьяш – дальняя родня Дракуле, однако Матьяша это никак не запятнало, – возразила Эржебет.

– Жена – другое дело, – вздохнула Илона. – Я боюсь, что все станут указывать на меня пальцами: «Вон идёт жёнушка Дракулы». Они станут так говорить... и смеяться.

– Всё зависит от тебя, – ответила тётя. – Главное – как ты себя поведёшь. Если ты не забудешь, что ты – Силадьи и всего лишь выполняешь свой долг перед семьёй, то никто тебя не осудит. И смеяться не станет. Ты не уронишь свою честь.

– Вы уверены, тётушка?

– Да, – сказала Эржебет, отпустив руку племянницы, но теперь ободряюще поглаживая Илону по плечу. – Поэтому подумай над просьбой Матьяша, моя девочка. Не торопись и как следует подумай.

* * *

Илону очень тронули слова, сказанные тётей о своём покойном муже, Яноше Гуньяди. Эржебет не забыла его, но это не помешало бы ей исполнить долг перед семьёй. «И я сейчас могу помочь своей семье, – повторяла себе Илона, – могу помочь, и это не станет предательством по отношению к Вацлаву».

Как же хорошо сказала тётя! Но насколько искренне она говорила? Через некоторое время у Илоны появились сомнения, ведь Эржебет уверяла, что пошла бы на жертвы ради всей семьи Силадьи, однако нынешние слова расходились с давними поступками.

Илона, несмотря на давность лет, отлично помнила, как тётя посмотрела на своего брата Михая, когда тот зимним вечером пришёл и объявил, что стал регентом при «новом короле Матьяше Первом». У тёти был враждебный взгляд, ведь Михай надеялся править от имени Матьяша, а Эржебет любила сына больше, чем всех других родственников, вместе взятых, и никому не позволила бы ничего у Матьяша отобрать – в том числе власть.

Михай Силадьи слишком хотел власти. Вот почему вскоре после того, как Илона с Вацлавом и другими Понграцами уехала в Липто, Матьяш посадил Михая в крепость, в замок Вилагош, и Эржебет не стала заступаться за своего брата, хоть и могла бы¹³. Она приняла сторону сына. К счастью, Михай оказался достаточно умным, чтобы смириться, и получил свободу, но Эржебет всё равно продолжала смотреть на него косо, а когда Михая не стало, и отец Илоны унаследовал всё его имущество и привилегии, то унаследовал и косые взгляды. Тётя продолжала защищать своего сына, защищать ото всех – даже от собственной родни.

«Теперь тётя тоже старается не ради семьи Силадьи, а ради своего сына, которому нужно выдать меня замуж, – мысленно рассуждала Илона. – Думает ли тётя о своей семье хоть немного? Думает ли обо мне? Наверное, она уже не мыслит себя как часть семьи Силадьи. Тётя стала частью семьи Гуньяди».

И всё же для самой Илоны долг перед родственниками оставался священным. «Тётя права, – думала она, – мне следует заботиться о других Силадьи. Смысл жизни для женщины,

¹³ Михай был заключён в замок Вилагош на западе Трансильвании 8 октября 1458 года. Освобождение и примирение с королём состоялось только 9 сентября 1459 года.

а особенно для христианки, в заботе о других, о ближних, а родственники – самые близкие люди».

Правда, принять решение в одиночку казалось страшно, поэтому Илона утром того дня, когда во дворце было назначено очередное заседание королевского совета, отправила записку отцу. Илона просила, чтобы отец, среди прочих заседавший в совете, после зашёл к ней, однако Ошват Силады так и не появился в покоях дочери.

«Наверное, у него после заседания появились неотложные дела, – решила Илона, – а я ведь не упомянула, о чём собираюсь говорить. Даже не упомянула, что предстоит важный разговор. Я просто просила зайти».

Это казалось не слишком большим упущением, ведь на следующий день должна была прийти Маргит. Она всегда приходила два-три раза в неделю навестить сестру. «Я посоветуюсь с Маргит и заодно попрошу её передать отцу, что мне нужно посоветоваться с ним тоже», – подумала Илона, однако старшая сестра тоже не появилась.

Кузина Его Величества наконец заподозрила неладное: «Моих родственников не пускают ко мне нарочно?»

На следующий день подозрение превратилось в уверенность, поскольку выяснилось, что Илона и сама не может покинуть дворец. Пожилые придворные дамы, которые обычно занимались вышиванием, окружили её в коридоре и просто не дали уйти, препроводив к своей госпоже, матери Его Величества.

– Куда ты хотела идти, моя девочка? – невозмутимо спросила Эржебет.

Илона ответила, что волнуется за отца и за сестру, поэтому идёт их проводить.

– С ними всё благополучно, – сказала Эржебет.

– Но почему они не приходят? – спросила племянница.

– Я не знаю, – тётя пожала плечами. – Я никаких распоряжений не отдавала. Возможно, Матьяш дал? Но даже если так, он делает это ради тебя. Он ведь сказал, что хочет услышать именно твоё решение, а не то, что тебе насоветуют отец и сестрица.

– А если я хочу навестить их не ради советов, я могу это сделать? – принялась настаивать Илона.

– Зачем навещать сейчас, моя девочка? – всё так же невозмутимо спросила тётя. – Вот примешь решение, и тогда можешь наносить визиты, а сейчас для тебя лучше уединение. Оно помогает собраться с мыслями.

– Тогда я поговорю с Его Величеством. Спрошу, почему отец и сестра ко мне не заглядывают, – сказала Илона, но тётя напомнила:

– Если ты попросишь у короля аудиенцию, тебе придётся объявить ему своё решение насчёт свадьбы. Ты готова это сделать?

Илона была не готова, а меж тем время шло, минул ещё день, но ни отец, ни сестра не давали о себе знать. «Зачем Матьяш поступает со мной так? – думала кузина Его Величества. – Неужели хочет показать, что я могу в любую минуту превратиться из гостьи в узницу?»

Слова Матьяша про «верноподданного» Ошвата Силады теперь показались Илоне не вполне искренними: «Матьяш сказал, что мой отец обязательно поддержит королевское решение о моём браке. А если не поддержит? А вдруг Матьяш потому и препятствует моей встрече с отцом, что не надеется на его поддержку?»

Эта мысль заставила Илону испугаться: «Если я откажусь выходить замуж, а мой отец поддержит меня и воспротивится королевской воле, то что же тогда с ним будет? Его отправят в крепость, как когда-то отправили дядю Михая. А что будет с моей матерью и моей сестрой? Наверное, им придётся жить очень тихо и в постоянном страхе за семейное имущество, которое король вправе отобрать у родни изменника». Этого ни в коем случае не следовало допускать!

«Если тётя не думает об интересах семьи Силады, значит, об этом должна думать я», – сказала себе Илона, но всё это было простым только на словах, а на деле выйти замуж за чело-

века, известного своей жестокостью, казалось просто невысказано. Мешало предубеждение, но его следовало преодолеть, и вот очередным утром Илона нерешительным шагом подошла к портрету, который теперь стоял в её покоях, и развернула сукно. «Это твой будущий муж, – сказала она себе, глядя на нарисованное лицо с резкими, прямыми чертами и на одеяния, по цвету напоминающие кровь. – Успокойся и рассмотри этого человека как следует».

Часть III. Тот самый Дракула

I

Маргит влетела в покои Илоны, как всегда, вихрем и, увидев младшую сестру, понуро сидевшую в резном кресле, бросилась к ней, взяла за плечи, попыталась заглянуть в глаза:

– Сестричка, это правда? Ты выходишь замуж за...

– Да, – безразлично отвечала Илона, подняв голову и встретившись взглядом с сестрой. – Тот самый Дракула – теперь мой жених.

– Но почему? Почему ты согласилась? Ты не обязана, – сказала Маргит.

– Не обязана, – отозвалась младшая сестра, – но зато Матьяш теперь доволен, и не только мной, а всей нашей семьёй. Наша семья оказывает ему услугу, и наш кузен сказал, что не забудет этого.

– А если наш отец скажет «нет»? – спросила Маргит.

Илона будто очнулась от оцепенения, вскочила:

– Сестра, я совсем забыла об этом. Прошу тебя, иди сейчас же к отцу и поговори с ним. Нужно, чтобы он повёл себя правильно. Если отец станет противиться, то всё испортит.

– Что испортит? Твою свадьбу?

– Нет, не мою свадьбу, а своё будущее, – поспешно заговорила Илона. – Я вчера вечером пришла к Матьяшу и сказала, что согласна на брак, но ещё я сказала, что это очень большая услуга, и не только с моей стороны. Я сказала, что семья Силады вправе рассчитывать на благодарность, и Матьяш ответил «конечно». А я спросила, правда ли, что Матьяш в последнее время не очень доволен моим отцом. Кузен замаялся и не признался прямо, но я, не называя тебя, повторила Матьяшу твои слова о том, что отец слишком настаивает на новом крестовом походе и что отцовы слова вызывают недовольство. Кузен улыбнулся и воскликнул: «Как же я могу быть недовольным, если теперь, благодаря твоему браку, смогу подготовить тот самый поход! Дракула поможет мне, а что до твоего отца, то если раньше мы в чём-то были не согласны, то теперь мы – единомышленники».

– Так и сказал? – с недоверием спросила Маргит.

– Да, – ответила Илона. – Матьяш ещё несколько дней назад, когда уговаривал меня, упомянул, что Дракула нужен ему как полководец в войне с турками, но я поначалу не придавала этому значения. Мне только после пришло в голову, что если Матьяш начнёт готовить поход, то получится, что Матьяш и наш отец стали заодно, и исчезнет причина для ссор.

– Матьяш решил готовить крестовый поход? Как-то не верится, – продолжала недоумевать Маргит. – Он много лет отмахивался от этой затеи, потому что никто из его европейских союзников не хотел давать на неё денег, а те крохи, которые Матьяш всё же получал, давно потрачены, и вдруг такая перемена. С чего бы?

– Не всё ли равно! – продолжала поспешно объяснять Илона. – Главное, что у меня всё получилось. Матьяш теперь доволен, и тётя тоже довольна. Я помирила отца с ними обоими, и Матьяш обещал, что мой отец в ближайшее время получит какой-нибудь особый знак благоволения, но если отец воспротивится моей свадьбе...

– Значит, ты согласилась ради отца? – спросила Маргит.

– Ради всех нас, – кивнула младшая сестра. – Я и для тебя попросила кое-что, но не у Матьяша, а у тёти. Я сказала ей, что ты слишком редко бываешь во дворце, а ведь ты – моя сестра, и раз уж здесь готовится моя свадьба, ты должна принимать в этом заметное участие. Тётя тоже сказала «конечно». Маргит, ведь я хорошо всё устроила? Правда?

Старшая сестра покачала головой:

– Я так и знала, что всё неспроста. Когда меня не пустили к тебе в первый раз, я настояжилась, а когда мне позавчера сказали, что ты опять не можешь меня принять, потому что якобы очень занята вместе с тётёй, у меня просто сердце упало. Я поняла, что хорошего не следует ждать. И вот оно! Дракула!

– Маргит, неужели ты тоже будешь возражать? – испугалась Илона. – Прошу тебя, не надо. Не порть ничего. Мне и так нелегко это далось. У меня не осталось сил спорить ни с тобой, ни с отцом. Прошу тебя, позволь случиться тому, что должно случиться. И убеди отца...

– В чём «убеди»? – послышался в дверях громовой голос.

На пороге комнаты стоял Ошват Силады, весьма встревоженный:

– Илона, мне передали записку от тебя. Ты просила прийти, и вот я пришёл. Что случилось?

Илона не выдержала – заплакала навзрыд, закрыв лицо руками:

– Ах, только не спорьте, не спорьте со мной! Прошу вас обоих. Иначе мы потеряем то, чего я для вас добилась.

– О чём ты говоришь, дочка? – нахмурился Ошват Силады. Он вошёл в комнату и, плечом отодвинув Маргит, сам встал напротив младшей дочери, попытался заглянуть в глаза.

Илона на несколько мгновений отняла руки от лица и, прежде чем снова зарыдать, заставила себя произнести:

– Отец, вы давно говорили, что я должна снова выйти замуж. И вот я выхожу замуж. Матяш нашёл мне жениха и обещал быть благодарным всей нашей семье, если я соглашусь на брак.

* * *

Проводив отца и сестру, по-прежнему ошарашенных новостью, Илона вернулась к портрету Дракулы, который только что им показывала. Она хотела набросить на картину сукно, но о чём-то задумалась, поэтому так и осталась стоять перед незакрытым изображением.

Человек, назначенный Илоне в мужья, по-прежнему смотрел куда-то мимо своей невесты, а она, стоя перед его портретом, начала вглядываться в желтоватое лицо и гадала, о чём он думал в то время, когда позировал художнику. О чём может думать Дракула?

Лицо по сравнению с сочно-красным цветом бархатных одежд казалось бледноватым, как у больного, а ускользавший взгляд больших карих глаз всё никак не удавалось поймать. «Как странно», – сказала себе Илона и вдруг вздрогнула. Она опять вспомнила о Вацлаве, но теперь думала о тех днях, которые хотела бы забыть.

Это были дни, когда Вацлав тяжело болел и мучительно умирал, лёжа в своей спальне, устроенной на верхнем этаже дома Понграцев в городке Сентмиклош.

Наверное, молодой супружеской паре полагалось бы жить отдельно от старших, но родители Вацлава, стремясь беречь своего сына, не торопились выделять ему отдельное жильё, а в итоге беда нашла его и в родных стенах.

– Ах, мой сын, мой бедный сын, – повторяла мать Вацлава, сидя в гостиной, но поднималась в его комнату очень редко, потому что не доставало душевных сил смотреть, как тот меняется из-за болезни. А вот Илона даже не спрашивала себя, сможет ли. Она просто понимала, что Вацлав не должен быть один, и проводила с ним день за днём, наблюдая медленное угасание.

Никто так и не сумел объяснить ей, что это за болезнь, поскольку развивалось всё очень медленно и постепенно. «Смертельная болезнь обычно так не медлит», – уверяли её.

Муж поначалу ни на что не жаловался, но за несколько месяцев заметно исхудал, а лекари лишь разводили руками. Язв на теле, кашля или чего-нибудь ещё не было. Лишь потеря аппетита. Подозревали отравление, но промывание желудка не помогало.

Родители Вацлава всё же устроили допрос и проверку слугам, но челядь с готовностью ела пищу, приготовленную для «молодого господина», и ничего, а Вацлав всё чаще и чаще отказывался от еды. Затем начал жаловаться на боли в животе, которые иногда становились нестерпимыми.

Врачи говорили: «Это происходит из-за голодания», – однако приём пищи, даже через силу, не приводил к улучшению. Вацлав сильно ослабел из-за частых приступов рвоты, затем слёг, и вот его уже приходилось кормить с ложки, да и то уговаривать, как маленького.

Пищу, которую относили ему, Илона сама пробовала каждый раз, пытаясь уловить в ней горечь – первый признак яда – но ничего не чувствовала. А больному становилось всё хуже, его рвало кровью. Он всё больше превращался в скелет, обтянутый кожей, а живот всё больше надувался.

Родители Вацлава стали думать, что это колдовство, сделанное по чьему-то приказу. Мало ли завистников! Вот почему в один из дней в доме появилась знающая старуха, но и она не смогла помочь – лишь дала снадобья, которые позволяли лучше унимать боль.

Илона, проводила возле мужа всё время и как раз в те дни начала замечать его особенный взгляд – взгляд куда-то мимо, в пустоту или в прошлое. В будущее так не смотрят, потому что это взгляд без чаяний и надежд, это взгляд человека обречённого.

Она старалась сделать всё, чтобы муж оставил свою пугающую привычку. Например, приводила в комнату его любимую борзую или начинала рассказывать очередную придворную сплетню, которыми полнились письма старшей сестры. Вацлаву никогда не нравилась придворная жизнь, поэтому он с удовольствием слушал, как в столице всё глупо и нелепо, но стоило закончиться рассказу, и вот через минуту снова этот взгляд.

«Вот то же самое, – вдруг подумала Илона, глядя на портрет Дракулы. – Он не просто сидит в башне. Он умирает там, медленно умирает. Он сидит и думает, что уже никогда не покинет этих стен».

Так же и Вацлав думал, лёжа на кровати: «Вот в этой комнате я умру», – а его молодой супруге было очень тяжело сидеть рядом с умирающим и сознавать, что ничем нельзя помочь.

Илона даже не сознавала, насколько это тяжело, а осознала лишь тогда, когда всё закончилось, и она обнаружила, что у неё не осталось сил жить дальше. Получалось лишь существовать. Её уже ничто не радовало, она ничего не хотела, и даже через год после смерти мужа всё осталось по-прежнему.

Именно в то время Илона, улыбчивая молодая женщина, умудрившаяся жить счастливо даже в договорном браке, превратилась в плаксивую, скучную особу, которая сама не знает, чего хочет – хочет детей и думает о новом замужестве, но в то же время стремится вернуться в прошлое.

Прошлого не вернёшь, но теперь Илона, глядя на портрет своего нового жениха, вдруг почувствовала, что живёт одновременно в прошлом и в настоящем. Оказалось, что где-то далеко есть человек, не похожий на Вацлава и в то же время похожий – Дракула.

«Он не должен умереть там, – сказала себе Илона. – Никто такого не заслуживает. Что бы ни совершил этот Дракула, он не заслуживает медленной смерти в четырёх стенах. Никто не заслуживает».

* * *

Дом у Маргит был, конечно, обставлен проще, чем королевский дворец, и даже проще, чем дом семьи Силадьи, находившийся на соседней улице.

Стёкла в окнах самые обычные – белые, не витражные. Росписи на оштукатуренных стенах самые незатейливые – витой орнамент, без фигур и цветов. Мебель не вычурная – без резьбы. Но всё же здесь казалось очень уютно.

Особенным уютом отличалась спальня Маргит, наполненная множеством милых вещей, так что Илона, не появлявшаяся в этом доме уже пять лет, с удовольствием окинула взглядом знакомые предметы.

Вот фигурки Девы Марии и святой Маргит в нише возле кровати. Вот медный подсвечник в виде бородастого человечка, поставленный в соседней нише. Вот деревянный сундучок в углу, украшенный тонкими коваными узорами. А вот новая вещь – букетик сушёной лаванды, перевязанный синей ленточкой и повешенный на угол зеркала на туалетном столике.

– Вот, сестричка, – меж тем сказала Маргит, входя в комнату вслед за младшей сестрой и плотно прикрывая за собой дверь. – Здесь нам удобнее говорить, чем во дворце. Здесь точно нет чужих ушей.

– О чём ты хочешь говорить? Всё о том же? – спокойно спросила Илона.

– Ты не обязана соглашаться на этот брак, – громко зашептала старшая сестра. – Ничего Матьяш тебе не сделает. И нашему отцу тоже не сделает. Это только кажется, что наш кузен будет твёрд и пойдёт до конца, чтобы устроить твой брак с этим Дракулой, а на самом деле наш кузен так твёрд только потому, что ты слишком податлива. Будь ты немного упрямее...

– Теперь уже ничего не изменишь. Я выйду замуж, – всё так же спокойно отвечала Илона, садясь в деревянное кресло и уставляя руки на подлокотниках.

– Ты можешь отказаться в любой день, – продолжала шептать сестра, садясь в кресло напротив и придвигаясь поближе. – Илона, так нельзя. Ни нашему отцу, ни нашей матери, ни мне не нужно от тебя такой жертвы. Будь это любой другой жених, может, и не имело бы смысла упрямиться, но это же Дракула! Подумай. Ну, кто осудит тебя, если ты откажешься выйти замуж за Дракулу! Весь двор будет на твоей стороне. Матьяш не сможет настаивать, как бы ни хотел. И нашего отца он в крепость не посадит. Если наш отец скажет, что не хочет выдавать тебя за Дракулу, это не может считаться бунтом. Вот если бы речь шла о любом другом женихе...

– А зачем нам спорить с Матьяшем, если мне всё равно? – по-прежнему спокойно возразила Илона. – Пусть Матьяш устраивает свои политические дела и пусть наша семья получит от этого выгоду, а я... не думай обо мне. Мне действительно всё равно – Дракула или другой.

– Тебе не должно быть всё равно, – сказала Маргит, пристально глядя сестре в глаза, а затем взяла её за руку. – Это же брак. Выходить замуж надо за человека достойного.

– Тётя Эржебет сказала, что этим браком я себя не запятнаю, – монотонно отвечала Илона, но вдруг резко встала и, высвободив руку из руки сестры, подошла к одному из окошек, выходивших во двор, где две служанки развешивали бельё и о чём-то весело переговаривались.

«Ах, почему мы с сестрой не можем говорить так же весело, как раньше, в детстве», – думала Илона, а Маргит меж тем подошла к ней, встала рядом, снова попыталась заглянуть в глаза.

– Послушай, Маргит, – сказала младшая сестра, глядя в окно и стараясь оставаться всё такой же спокойной, – мне безразлично, за кого выходить замуж, потому что у меня никогда-никогда не будет детей. Я прожила с Вацлавом больше десяти лет и ни разу не забеременела. И это не может быть случайностью. Я не стану себя больше обманывать и думать, что дети могут быть. Ведь ты себя не обманываешь! У тебя тоже нет детей, и ты не говоришь, что они ещё могут появиться.

– Сестрёнка, сказать по правде, я их никогда особенно не хотела, – призналась Маргит, – но ты...

– Я тоже не стану себя обманывать, – повторила Илона. – Хватит. Я должна смириться. А раз у меня не будет детей, мне незачем привередничать в выборе мужа. Это всего лишь мужчина, с которым мне придётся появляться на людях и время от времени делить постель. Если отцом моих детей он не станет, то можно на многое махнуть рукой. Я так и сделаю.

– Но это же Дракула! – Маргит заговорила в полный голос. – Сестрёнка, ты не понимаешь, на что идёшь. Это же Дракула! А вдруг он тебя убьёт? Вдруг рассердится за что-нибудь и убьёт?

Илона мечтательно улыбнулась:

– Значит, я встречаюсь с Вашеком гораздо быстрее, чем ожидала.

Маргит развернула её к себе, испуганно обняла:

– Ах, сестричка, что мне с тобой делать? Что делать? Вот приедет мать, и, надеюсь, ты одумаешься.

II

Агота, мать Илоны и Маргит, приехала из Эрдели сразу же, как получила письмо с известием о готовящемся бракосочетании. Вернее, она получила сразу два письма – от младшей дочери и от старшей. Письмо младшей было спокойным и даже холодным, а письмо старшей полыхало едва прикрытым негодованием.

«Нас втянули в очень сомнительное дело, хоть Матьяш и говорит, что волноваться не о чем», – сказала в письме старшая дочь, и потому первое, что сделала Агота по приезде в столицу, это устроила скандал мужу:

– Как ты мог, Ошват?! Как ты мог допустить такое?! Ах, Илона! Бедная моя доченька!

Затем Агота заявила своему супругу, что раз он такой дурак и раззява, то всё, о чём они прежде договорились, отменяется:

– Я остаюсь жить здесь, в этом доме, – сказала она, – и никуда не уеду до тех пор, пока не буду совершенно уверена, что моей дочери ничего не грозит. Если ты не можешь о ней позаботиться, то позабочусь я. А эта твоя шлюха, которая здесь живёт, – имелась в виду любовница, которая занимала в доме должность домоправительницы, – пусть она только попробует хоть раз посмотреть на меня наглым взглядом или что-нибудь брякнуть. В тот же день вылетит отсюда на улицу! Я не шучу. Вот недаром говорят: не спи со служанкой, чтобы она не чувствовала себя госпожой. Пусть эта шлюха только попробует забыться!

Про скандал рассказала Илоне старшая сестра, но младшая слушала её рассеянно, потому что силилась представить себе встречу с женихом, ожидавшуюся со дня на день.

Надежды Маргит на то, что Илона с приездом матери одумается, не оправдались. Дорога из Эрдели в Буду занимала довольно много времени, а Матьяш действовал необычайно быстро, поэтому мать, приехавшая защищать дочку и настроенная весьма решительно, уже ничего не могла изменить – о будущей свадьбе теперь судачил весь королевский двор. Отказаться от своего слова Илоне стало бы очень трудно, даже если б она, обрета поддержку в лице матери, решила это сделать.

Ладислава Дракулу к тому времени уже освободили из тюрьмы в Вышеграде и перевезли поближе к столице, в городок, который находился рядом с Будой на противоположном берегу Дуная. Этот городок, называвшийся Пешт, можно было разглядеть в подробностях, стоя на одном из балконов дворца с той стороны, что окнами смотрела на реку.

Илона, чтобы успокоиться, несколько раз выходила на один из балконов и обозревала «место пребывания Дракулы», по утрам подёрнутое синеватым маревом речного тумана, не исчезавшего почти до десяти часов, несмотря на майскую жару.

Пешт подобно Буде был обнесён мощными крепостными стенами. Над черепичными крышами, сжатыми кольцом стен, вились дымы. Такие же дымы вились над крышами пригорода. И всё это отражалось в светло-сиреневой воде Дуная, ярко искрившейся на солнце, в то время как по дорогам вдоль реки двигались путешественники, а в полях паслись стада овец и коров. Умиротворяющий пейзаж!

Илона с трудом могла поверить, что в этом городке, в кольце стен находится дом, где сейчас живёт «тот самый Дракула», её жених. Да, жених... И теперь его следовало называть

женихом не только потому, что об этом судачили при дворе, а потому что сам Дракула уже называл Илону невестой.

Матьяш, торопясь сладить дело, почти сразу переговорил с узником, как только состоялся переезд из Вышеграда в Пешт. Король предложил «своему кузену» примирение на условиях, о которых когда-то рассказывал Илоне – сыграть свадьбу, оставив все обиды в прошлом, – и эти условия оказались легко приняты.

Дракула, узнав о предстоящем браке, весьма обрадовался. Так, по крайней мере, говорил Его Величество, собрав всю семью Силады в одной из комнат своих покоев за трапезой. Илона, её родители, тётя и сестра, сидя за столом, слушали рассуждения короля о том, что Дракула собирается выказывать будущей родне всяческое почтение, поскольку осознаёт, как велика оказанная честь.

– Дайте возможность вашему будущему родственнику проявить уважение к вам, – с улыбкой произнёс король. – В этом единственная цель вашей первой встречи. Об условиях брачного договора и прочих делах поговорим в другой раз. Иначе начнётся спор, а это при первой встрече совсем не нужно.

– Что ж, посмотрим, что это за человек, – вполголоса проговорил отец Илоны, а мать не сказала ничего, лишь вздохнула. Наверное, она вспомнила один из рассказов о своём будущем зяте, где говорилось, что Дракула, когда хотел «проявить уважение» к кому-то, сажал этого человека не просто на кол, а на кол позолоченный. Разумеется, Дракула не мог бы казнить никого из своей будущей родни, но имел ли он представление об истинном уважении?

* * *

И вот этот день настал! Тётя Эржебет пригласила в свои покои Илону, Маргит, своего брата Ошвата Силады и его супругу, чтобы все, рассевшись по углам комнаты, ждали, когда Матьяш приведёт к ним обещанного «жениха».

Илона почла за лучшее взять с собой вышивание: устроившись у дальнего окна и занимаясь делом, ей было гораздо проще скрыть смущение и растерянность.

Маргит вела себя бодрее. Ещё бы! Ведь не ей выходить замуж! Но и она казалась смущённой, поэтому, сидя рядом, с нарочитым увлечением играла с кошкой, пытавшейся поймать кисточку золотого шнурка. Обычно этим забавлялись четыре красавицы, жившие при тёте Эржебет, но сейчас их отправили в другую комнату, а игривую зверушку они позабыли.

Родители Илоны, устроившись на пристенной лавке, сидели молча, выпрямив спины и уставившись куда-то вдаль, так что Эржебет, по обыкновению сидевшая в кресле, ободрила их улыбкой:

– Да, выдавать дочь замуж – тяжёлое испытание, но вы не беспокойтесь.

– Как же тут не беспокоиться, – начал было Ошват, но жена легонько пихнула его в бок локтем, чтобы помалкивал. Выражать недовольство предстоящим браком Илоны стало уже поздно и ни к чему.

Наконец большая дверь в комнату открылась, и слуга, показавшийся на пороге, доложил:

– Его Величество король Матьяш и господин Ладислав Дракула.

Илона почувствовала, что у неё не хватает духу поднять глаза и посмотреть на вход. Она просто отложила вышивание и встала, когда увидела, что старшая сестра встаёт, а затем вслед за сестрой склонилась в поклоне.

– Вот человек, о котором мы столько говорили, – услышала Илона голос Матьяша, но так и не смогла поднять взгляд, а вместо этого сосредоточенно рассматривала бордовые плитки пола у себя под ногами.

– Матушка, – говорил король, – тебе моего кузена представлять не надо, ведь ты и так его знаешь. Просто давно не видела.

Затем послышался голос тёти:

– Неужели это тот самый мальчик, который приезжал погостить в замок к моему Яношу много лет назад?

А затем раздался низкий мужской голос, которого Илона ещё ни разу не слышала:

– Да, это я, госпожа Эржебет.

Мужчина говорил небыстро, иногда растягивал слова, а один раз ошибся в букве. «Конечно, он говорит медленно, ведь наш язык ему неродной», – вспомнила Илона и продолжала вслушиваться.

– Как ты изменился, – меж тем произнесла Эржебет. – Тебя не узнать. Сколько же лет минуло с тех пор, как мы виделись в последний раз?

– Боюсь, что очень-очень много, госпожа Эржебет, – отвечал мужчина. – Больше тридцати.

– Вот как? – засмеялась тётя. – А я-то думала, когда же успела так постареть!

– Как видите, госпожа Эржебет, я тоже немолод.

Стало слышно, как Матьяш громко хмыкнул:

– Да брось, кузен! Давай-ка я представлю тебя остальным. – Затем, король, очевидно, повернулся к отцу Илоны: – Ошват, а ты ведь тоже хорошо знаком с моим кузеном.

На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина, а затем мужчина, которого Илона теперь должна была называть женихом, сказал:

– Однажды мы вместе с Ошватом хорошенько прищемили хвост туркам. Только вот не знаю, помнит ли Ошват.

– Помню, – неохотно произнёс отец Илоны, но Матьяш будто не заметил, как это было сказано, и с нарочитым воодушевлением продолжал:

– Тогда, Ошват, я представлю своего кузена твоей супруге. Агота, это – мой кузен Ладислав Дракула и, надеюсь, ваш будущий зять. Кузен, это госпожа Агота, мать невесты.

Никто ничего не сказал. Наверное, мать Илоны и мужчина, на которого Илона до сих пор не решилась взглянуть, молча поклонились друг другу.

После этого послышались шаги, которые всё приближались, и невеста смутилась ещё сильнее, чем прежде, когда увидела совсем рядом ярко-красные остроносые башмаки своего кузена. На них были пряжки в виде ворона, державшего в клюве кольцо – птица с герба Гуньяди – так что угадать владельца не составляло труда.

– Ну, – торжественно произнёс Матьяш, – вот те самые сёстры. Так и быть, кузен, я не стану просить тебя угадать, которая из двух – Илона. Я сам скажу. Вот старшая – Маргит.

Послышался шорох одежд. Значит, с обеих сторон последовал молчаливый поклон.

«Сейчас дело дойдёт до меня», – сказала себе Илона. Ей казалось, она готова упасть в обморок, но знакомиться с женихом всё равно бы пришлось, поэтому не имело смысла растягивать эту пытку. Да и следовало ли называть происходящее пыткой? «Почему ты не хочешь посмотреть на Дракулу?» – спрашивал внутренний голос. – Ты боишься, что увидишь у жениха в руке пыточный инструмент, будто к тебе пришёл палач? Но это же нелепость. Никто так не приходит к невестам. Даже Дракула».

Меж тем Матьяш и «его кузен Ладислав» оказались напротив Илоны. Она подняла голову и удивилась. Именно удивилась, а не испугалась, как ожидала.

«Надо же, он совсем не высок. Одного со мной роста», – подумала невеста о своём женихе. А ещё она сразу обратила внимание на его глаза. Карие глаза, обрамлённые лучами мелких морщин, которых не было на портрете. Обычно морщины вокруг глаз бывают у тех, кто много улыбается. Да и сам взгляд оказался не такой, как изобразил художник. Дракула сейчас смотрел прямо на Илону, а не мимо, и во взгляде не было ни отчаяния, ни безысходности – скорее радость.

Илона совсем этого не ожидала. Она думала, что если Дракула не станет смотреть на неё с затаённой тоской, то посмотрит грозно и испытующе, но нет. Он смотрел очень приветливо и

с умеренным любопытством. Казалось даже странно, что человек, у которого такие прямые и острые черты лица, может так смотреть. Прямой нос, острый подбородок и острые скулы были те же, как на портрете, но приветливое выражение глаз придало всему лицу больше мягкости, которой на картине не отразилось.

А ещё обнаружилось, что плечи у этого человека шире, чем на картине. Их делал ещё более широкими просторный кафтан из синего бархата, надетый поверх другого – зелёного. Сами одеяния выглядели новыми, и было заметно, что их обладатель ещё не успел к ним привыкнуть, поэтому его движения выглядели не вполне свободными, осторожными. Именно так – немного скованно – Дракула поклонился Илоне, и она поклонилась ему так же, поскольку не смогла до конца преодолеть смущение.

– Илона, это мой кузен Ладислав. Твой будущий супруг, – произнёс Матьяш и с улыбкой добавил: – Видишь? Он совсем нестрашный.

– Да-да, моя девочка, – подхватила Эржебет. – Я ведь то же самое тебе говорила.

Любопытство в глазах жениха сменилось лёгким недоумением, а Илоне вдруг почему-то стало досадно. Она произнесла тихо, но твёрдо:

– Я и не боюсь. С чего вы взяли?

– Мы шутим, дорогая кузина, – ещё больше заулыбался Матьяш. – Мы просто шутим.

Затем король уселся в резное кресло, указал невесте и жениху на два кресла, стоявшие рядом, предложил всем остальным своим родственникам тоже присесть и начал рассказывать о кузене, всячески расхваливая его. Могло бы показаться удивительным, что так лестно говорят о Дракуле, которого называли и извергом, и кровопийцей, и тираном, но Матьяш рассыпался в похвалах.

Его Величество напомнил всем присутствующим, что «кузен Ладислав» и отец Илоны вместе воевали против турок пятнадцать лет назад, когда большая турецкая армия сожгла венгерскую крепость Северин на Дунае, а затем зашла в валашские земли и захватила в плен много мирных людей. Матьяш сказал, что армия его кузена и армия Ошвата, объединившись, догнали турецкую армию и воздали туркам по заслугам.

– Вот замечательный пример единения, которое может послужить на пользу христианству, – важно произнёс Его Величество и, сделав многозначительную паузу, добавил: – Я надеюсь, что брачный союз, который мы скоро заключим, так же послужит на благо всем христианам.

После этого Матьяш рассказывал о некоем зимнем походе, совершённом Дракулой, когда оказалось сожжено множество турецких крепостей. Поход состоялся четырнадцать лет назад, но Матьяш почему-то помнил все подробности. Возможно, прочитал некий старый отчёт, чтобы освежить память.

Венценосный рассказчик лишь иногда спрашивал:

– Верно ли я передаю ход событий, кузен?

Жених Илоны иногда говорил «верно», иногда что-то добавлял, а остальные слушали.

Затем король принялся рассказывать о войне, которая была тринадцать лет назад. Турецкую армию возглавлял лично султан, и эта армия, которая вторглась в валашские земли, была огромна, но «кузен Ладислав» не побоялся бросить ей вызов.

Матьяш говорил о том, как его кузен стремился задержать врагов во время переправы через Дунай, а затем – о кровопролитном ночном бое недалеко от валашской столицы, причём этот бой оказался для влахов очень успешным, ведь кровь лилась в основном турецкая. Рассказ получился очень красочный и убедительный, но «кузен Ладислав» почему-то погрузился, и уже делал над собой усилие, чтобы бодро подтверждать:

– Да, верно. Всё верно.

Кажется, король так и не завершил своё повествование. О том, чем же закончилась война, он сказал весьма неопределённо. Вначале упомянул, что тоже собирался участвовать в деле,

помочь влахам против турок, но затем лишь выражал сожаления о том, что война, которая «так хорошо начиналась», оказалась проиграна.

Илона помнила, что Дракула был обвинён в предательстве и арестован именно в то время, когда Матьяш собирался в поход, но ведь Матьяш сказал ей недавно, что никакого предательства не было. Что же в итоге произошло?

Всё казалось очень запутанно, однако просить разъяснений сейчас Илона не стала. «Я слишком взволнована и всё равно ничего не пойму», – подумала она. К тому же король заставил её взволноваться ещё сильнее, вдруг предложив:

– А может, оставим жениха и невесту ненадолго наедине?

Мать Илоны сразу встрепелась:

– Что?! Это ещё зачем?! – Но Эржебет поддержала сына:

– А почему бы и нет?

– Как же так? – пробормотала мать Илоны, оглядываясь на мужа, который сидел с непроницаемым лицом, и на старшую дочь, которая тоже немного встревожилась. – Нас о таком не предупреждали.

– Агота, чего ты боишься? – улыбнулась Эржебет. – Или ты думаешь, они могут сыграть свадьбу раньше времени?

– Мой кузен со всем возможным почтением относится к семье Силады, поэтому волноваться совершенно не о чем, – заявил Матьяш. – Верно, кузен?

– Верно, – ответил жених Илоны, но теперь заметно повеселел.

Илона нахмурилась.

– В чём дело? – шутливо спросил у неё Матьяш. – Ты же сама сказала, что не боишься.

Не дожидаясь ответа, король встал и начал выпроваживать всех из комнаты:

– Пойдёмте-пойдёмте. Пусть поговорят немного наедине. А то в нашем присутствии они не сказали друг другу ни слова.

* * *

Никто не должен сидеть, если король поднимается. Разве что его матушка может себе это позволить, да и то не всегда, поэтому, как только Матьяш встал с кресла, поднялись все присутствующие – в том числе Илона и её жених.

Провожая Матьяша взглядом, Ладислав Дракула ненадолго отвернулся от своей невесты, чем она немедленно воспользовалась, чтобы опрометью кинуться в другой конец комнаты.

Сделав шесть или семь шагов, Илона вдруг опомнилась и спросила себя, куда и зачем бежит. Чтобы хоть как-то оправдать своё бессмысленное бегство, она взяла вышивание, которое не так давно оставила, села на скамеечку возле самого окна, схватила иголку, но не могла сделать ни одного стежка – всё прыгало перед глазами, или у неё просто дрожали руки.

«Дальше бежать некуда. В окно не выпрыгнешь», – сказала себе невеста, слыша приближающиеся шаги жениха, а он сел на скамеечку напротив и, помолчав немного, спросил:

– Значит, ты меня не боишься?

– Нет, не боюсь, – ответила Илона и, чтобы доказать это, оторвалась от вышивания.

Посмотреть в глаза своему собеседнику она не решилась, поэтому смотрела на его подбородок и подумала, что в портрете этого человека всё-таки довольно много сходства с оригиналом. Подбородок был покрыт едва заметной щетиной, как на картине. Конечно, жениха брили сегодня утром, но к нынешнему часу, а была уже почти середина дня, щетина успела отрасти.

– Ты смелая, – очень серьёзно произнёс собеседник. – Ты знаешь, кто я, и не боишься.

– Меня уверяли, и не раз, что мне нечего бояться, – сказала Илона.

– Значит, ты просто смущена? – спросил жених.

Илона не ответила. Лишь подумала, что действительно смущается – настолько, что не может назвать жениха по имени даже мысленно. Ладислав или Ласло – так она могла бы звать

его, но ни Ладиславом, ни Ласло он для неё не был. В голове вертелось либо «Ладислав Дракула», либо просто «Дракула», либо «жених», безымянный жених.

А он сидел напротив неё и продолжал допытываться:

– Почему ты смущена? Мне сказали, что ты уже успела побывать замужем. Я полагал, что только девицы смущаются, а те, которые узнали замужество, должны смотреть прямо. Разве не так? Скажи мне.

– Я не могу говорить за всех, – отвечала Илона. – Я могу говорить только за себя.

– Тогда скажи за себя, – ободрил Дракула.

– Я... я... уже пять лет не... уже пять лет одна, и за это время отвыкла от всего того, что мне теперь приходится делать.

– Неужели за пять лет к тебе никто не сватался? – удивился собеседник. – Не может быть, чтобы никто.

– Четыре года назад сватались двое, – призналась Илона. – А три года назад – ещё один, но я всем отказала. И с тех пор мне больше не приходилось говорить с мужчиной о том, о чём я сейчас говорю. – Она снова уткнулась в вышивание, но теперь успокоилась, даже сумев сделать пару стежков, пусть и не очень ровных.

– Ты уже была замужем, но ведёшь себя так, как если бы замужем не была, – подытожил жених, а затем добавил с какой-то особенной интонацией в голосе: – Мне нравится, что ты такая.

Илона не знала, что на это ответить, но, к счастью, отвечать не потребовалось. Скрипнула дверь – это вернулся Матьяш и остальные.

III

В следующий раз жених явился во дворец, когда состоялось официальное объявление о помолвке и пир по случаю неё. Перед лицом собрания в тронном зале Матьяш вложил руку своей кузины в руку «своего кузена Ладислава» и объявил, что будущий союз заключается ради блага и процветания всех христиан.

Илона волновалась уже не так, как прежде. Взгляды собравшихся, устремлённые на неё, не вызывали смущения, потому что через всё это она уже проходила семнадцать лет назад, когда Матьяш объявил о её скорой свадьбе с Вацлавом. И вот теперь Илона точно так же стояла перед тронном, а король вкладывал её руку в руку жениха, но теперь – другого человека, не Вашека. Жизнь пошла на новый круг.

Бракосочетание назначили на начало июля. Церемония должна была состояться всё в том же главном городском соборе, где Илона уже венчалась когда-то. Правда, в сравнении с теми временами здание выглядело иначе, получив новую колокольню и множество резных каменных украшений на фасаде. И всё же это оставался тот самый собор, пусть даже его называли не церковью Божьей Матери, а церковью Матьяша, потому что заново освятили в честь апостола Матфея. Всё менялось и в то же время повторялось. «Как странно. Как странно», – думала Илона.

Невеста невольно сравнивала те чувства, которые испытывала семнадцать лет назад, и нынешние. Кажется, ни тогда, ни сейчас она особенно не ждала свою свадьбу. Уж точно не было радостного нетерпения, как у многих девиц и женщин, особенно если они знают, что всё окажется очень красиво и торжественно. Нет, Илона никогда не испытывала такого. Особенно сейчас. Ну, как можно с нетерпением ждать свадьбу с Дракулой! А кроме того, она вдруг обнаружила, что оказалась предметом такого же пристального внимания окружающих, как семнадцать лет назад, но если тогда это было связано с тем, что все ждали её первых регул, то теперь всеобщий интерес вызывало то, что она думает о своём новом женихе.

Семнадцать лет назад многие почти не знакомые ей женщины считали себя вправе спросить Илону, не ощущает ли она «приближение кровотоечения». У невесты узнавали, не тянет ли

у неё внизу живота или ещё что-то подобное, и это казалось на грани приличий. Так и хотелось ответить: «Оставьте меня», – но Илона сдерживалась, а теперь ей так же приходилось сдерживаться, когда чуть ли не каждая дама из свиты тёти Эржебет, улучив минуту, приставала:

– Вы уж простите мой вопрос. Как вам показался этот Дракула?

– Человек как человек, – отвечала невеста и отворачивалась, мысленно добавляя: «А кто вы такая, чтобы расспрашивать меня?»

Больше всего настырности проявляли четыре юные особы, пользовавшиеся у тёти особым благоволением:

– Илона, а портрет твоего жениха по-прежнему у тебя в спальне? – хитро улыбнувшись, спросила одна из них.

– Да, – ответила невеста. – А что?

– Он закрыт покрывалом или открыт? – так же хитро спросила другая шалунья.

– Почему вы спрашиваете? – удивилась Илона.

– Закрыт или открыт? – повторила вопрос третья и почему-то готова была прыснуть со смеху.

– Кажется, открыт. Последние дни я не обращала внимания, – призналась невеста.

У всех четверых красавиц сделались круглые глаза, а Эржебет, сидевшая рядом, тоже начала хитро улыбаться.

– А в чём дело? – принялась допытываться Илона, в очередной раз вспоминая слова старшей сестры о том, что все четыре юные красавицы – дурочки.

– Как можно не обращать внимания! – всё с такими же круглыми глазами произнесла Орсоля. – Ведь если портрет открыт, то смотрит на тебя всё время. Вот ты переодеваешься, а он смотрит. Разве тебе всё равно?

Остальные три юные особы захихикали, прикрывая ладошками рты, а Илона не знала, что и ответить на эти рассуждения, которые казались ужасно глупыми.

– Или вот, например, ты спишь, а он смотрит на тебя из угла. Всю ночь, – многозначительно произнесла Орсоля и тоже захихикала в кулачок. – Неужели тебе всё равно?

Илона не смогла ничего ответить и просто пожала плечами, а юные придворные дамы продолжали веселиться.

* * *

В те дни даже Маргит, казалось, вела себя странно и глупо, а ведь она делала то же, что и всегда – собирала сплетни, чтобы пересказывать младшей сестре. Наверное, Маргит таким способом стремилась проявить заботу об Илоне, но получалась не забота, а почти издёвка.

Сплетница, сидя в покоях младшей сестры во дворце, то и дело качала головой:

– Ах, сестрёнка. И как же ты выйдешь замуж за этого Дракулу. Я про твоего жениха такое слышала! Знаешь, как он с женщинами обращается?

– Тётя Эржебет говорила, что он способен быть любезным и обходительным, а у меня была возможность в этом убедиться, – спокойно произнесла Илона, уткнувшись в вышивание, но Маргит продолжала:

– Ты всё-таки послушай. Говорят, был случай с какой-то женщиной, из простых. Дракула однажды ехал куда-то и встретил её мужа, который работал в поле. А Дракула начал расспрашивать того человека про жизнь, как у влахов принято, и увидел, что у него, то есть у мужа той женщины, рубашка криво сшита. Дракула спросил, кто шил рубашку, и услышал: «жена». Дракула спросил, где она сейчас. Оказалось, что дома. И Дракула немедленно поехал в тот дом и велел своим слугам отрубить ей руки за то, что она плохо шьёт. Вот так! Только представь!

Илону передёрнуло, но она всё же смогла спокойно спросить:

– Маргит, ты, в самом деле, хочешь, чтобы я это представила? Зачем?

– Ты же должна знать, за кого выходишь замуж, – ответила старшая сестра, будто не замечая, что этот разговор нежелателен. – Вот ты решишь ему что-нибудь сшить сама, а ему не понравится. И что будет? Ты знаешь? А я не знаю.

– Маргит, перестань, – отмахнулась Илона. – Зачем мне что-то ему шить, если можно нанять швею?

– Значит, он велит, чтобы руки отрубили швее.

Младшая сестра ничего не ответила, только вздохнула, но старшая даже не думала уговориться:

– А ещё мне рассказывали, что однажды, когда Дракула воевал с кем-то в Эрдели, то приказал казнить целую толпу пленных женщин. Дракула сразился со своим врагом, а когда разбил его армию, то увидел, что за этой армией шла целая толпа женщин... ну... проституток, которые ходят за солдатами. И Дракула велел всех этих женщин посадить на колья.

Илона опять промолчала, а Маргит, многозначительно подняв палец, изрекла:

– Вот такой он суровый человек, твой жених.

Младшая сестра отмалчивалась, а старшая всё говорила и говорила:

– Мне рассказывали, он очень не любит женщин, которые ведут себя свободно. Говорят, что в этой своей Валахии он, пока был у власти, казнил прелюбодеек так же, как тех проституток – сажал на кол. А знаешь, почему для них выбирали именно такую казнь?

Илона всячески стремилась показать, что ей это не интересно, но Маргит продолжала:

– Меня уверили, что влахи называют колом не только заострённое бревно, но ещё и часть мужского тела... В общем, понятно, которую часть... Так вот поэтому Дракула и сажал проституток и прелюбодеек на кол. Это было что-то вроде шутки. Дескать, если хочешь на кол, тогда получи то, чего хочешь.

– А я-то здесь при чём? – наконец заговорила Илона. – Что у меня общего с этими женщинами?

– А если Дракула станет подозревать тебя в неверности?

– У него не будет оснований.

Маргит усмехнулась:

– Мужчинам не нужны основания, чтобы подозревать. По крайней мере, моему мужу не нужны. Он меня чуть ли не каждую неделю подозревает, если я куда-нибудь отлучусь. Хорошо хоть, запереть меня дома этот дурак не может. А так бы наверняка запер.

Илоне вдруг вспомнились слова тёти: «Если всё окажется совсем плохо, то жить с мужем ты не обязана», – и теперь, наслушавшись ужасных историй, невеста Дракулы решила: «Наверное, так и сделаю. Поживу с ним немного, а затем мы разведемся. Мои родители ведь живут раздельно, и я со своим мужем стану жить так же. Ничего особенного сплетники в этом не усмотрят».

* * *

С каждым днём Илоне становилось всё тяжелее выслушивать неприятные истории про своего будущего мужа, но, возможно, Маргит рассказывала их нарочно. Может, старшая сестра задалась целью отговорить младшую от предстоящего брака во что бы то ни стало?

Вспоминая подробности услышанного, Илона уже всерьёз начала представлять, что явится к Матьяшу и скажет: «Я передумала, я отказываюсь». И пусть отказываться, казалось, поздно, но ведь помолвка – ещё не свадьба!

Конечно, король оказался бы очень недоволен и спросил бы о причине, но Илоне было что ответить: «Я внезапно узнала столько всего ужасного о своём женихе, сколько раньше не знала. Пусть Ваше Величество говорили мне, что это всё слухи, которые Дракула не стремится опровергать, потому что страх – его оружие в войне с врагами, но я не хочу участвовать в подобной войне. Для меня это слишком!»

Подозрение, что старшая сестра действует с тайной целью, появилось у Илоны и в то утро, когда ожидалась ещё одна встреча с женихом. Он должен был прийти в покои Эржебет, поэтому Илона сидела там, а Маргит, которая теперь имела право беспрепятственно приходить туда, с таинственным видом подошла к сестре и села рядом.

Старшая сестра хотела что-то сказать, но пока молчала, очевидно, стесняясь присутствия тётки, по обыкновению сидевшей в окружении своих четырёх юных любимиц. Одна из любимиц читала вслух книгу о святом Франциске, три другие вместе с госпожой Эржебет молча слушали, и, если бы Маргит стала что-то говорить Илоне, это оказалось бы сразу замечено.

Вот почему Маргит выжидала, но юные болтушки, конечно, не смогли долго сидеть в тишине, поэтому, как только те отвлекли Эржебет разговором, старшая сестра зашептала в ухо Илоне:

– А знаешь, что недавно сделал твой жених?

– Маргит, не сейчас. Он, наверное, уже скоро придёт, – зашептала ей в ответ младшая сестра, которая в ожидании гостя даже вышиванием решила не заниматься и просто сидела, сложив руки на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.